

Декабрь 1970

Окно, открытое в мир

Курьер

**КАРФАГЕН
НЕ
ДОЛЖЕН БЫТЬ
РАЗРУШЕН**

Фото Раже Вюлле

СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА

Китай

Небесные музыканты

Деталь настенной росписи одного из 469 буддийских пещерных храмов, вырубленных в скалах Дуньхуана в пустыне Гоби. Композиция, созданная в VII—VIII веках, в период правления в Китае династии Тан, запечатлела группу небесных музыкантов. «Главная черта этого искусства, — пишет Анил де Сильва в монографии «Китайская пейзажная живопись в пещерах Дуньхуана», — огромная сила воздействия и жизненность». Создается впечатление, что каждый мазок кисти живет собственной динамичной жизнью». Основанный в IV веке н. э., храмовый пещерный комплекс, когда-то насчитывавший более тысячи гротов, стал центром буддизма в Китае и средоточием 1500-летней традиции китайской живописи.

ДЕКАБРЬ 1970
23-й ГОД ИЗДАНИЯ

ПУБЛИКУЕТСЯ НА 12 ЯЗЫКАХ

Русском	Японском
Английском	Итальянском
Французском	Хинди
Испанском	Тамили
Немецком	Иврит
Арабском	Персидском

Публикуется ежемесячно ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

★

Ежемесячный иллюстрированный журнал «Курьер ЮНЕСКО» выходит 11 выпусками в год (август-сентябрь — двойной номер). Издание журнала на русском языке с 1957 года осуществляется издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО». При перепечатке подписанных статей необходимо указывать имя автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала.

★

Адрес главной редакции
ЮНЕСКО, ФРАНЦИЯ, Париж 7,
Плас Фонтенуа

Главный редактор
Сэнди Коффлер

Заместитель главного редактора
Рене Калоз

Ответственный секретарь
Лучо Аттинелли

Помощники главного редактора
русский яз.: Георгий Стеценко (Париж)
английский яз.: Рональд Фэнтон (Париж)
французский яз.: Джейн Альбер Эсс (Париж)
испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос (Париж)
немецкий яз.: Ганс Рибен (Бери)
арабский яз.: Абдель Монеим Эль-Сави (Каир)
японский яз.: Такао Утида (Токио)
итальянский яз.: Мария Ремидди (Рим)
язык хинди: Картар Сингх Дуггал (Дели)
язык тамили: Т. П. Минаши Сундаран (Мадрас)
язык иврит: Александр Пели (Иерусалим)
персидский яз.: Феридун Ардалан (Тегеран)

Литературные редакторы
английский яз.: Говард Брабин
французский яз.: Нино Франк

Фоторедактор: Ольга Родель

Оформление: Робер Жакмен

4 **КАРФАГЕН НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН**

Джелаль Эль-Нафи

9 **ВЕЛИЧИЕ И УПАДОК ПУНИЧЕСКОГО ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА**

Хвди Слим

14 **ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАННОНА-МОРЕПЛАВАТЕЛЯ**

17 **ВОСЕМЬ СТОЛЕТИЙ
КАРФАГЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Жильбер-Шарль Пинар

21 **ЦВЕТНЫЕ ВКЛАДКИ**

29 **КАРФАГЕН ГЛАЗАМИ ГРЕКОВ И РИМЛЯН**

Мхамед Фантар

34 **ТУНИС — ЖЕМЧУЖИНА
АРАБСКОГО ВОСТОКА**

Жорж Фрадье

45 **ЖАН ПЕРРЕН —
ПИОНЕР СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ**

Пьер Оже

46 **ХРОНИКА ЮНЕСКО**

2 **СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА**

Небесные музыканты [Китай]

Обложка

Маленький шедевр пунического искусства — ручка бронзового кувшина — обнаружен в захоронении. По мнению ученых, время изготовления его — VI-V век до н. э., когда Карфаген находился в зените своего могущества и славы.

Музей Бардо, Тунис
Фото Лиска Жубера

Самый типичный символ Карфагена — это, безусловно, «знак Танит», хотя на протяжении веков он претерпел целый ряд изменений. Первоначально это была трапеция, увенчанная горизонтальной линией с кругом над ней. Позднее трапеция превратилась в равнобедренный треугольник (именно такой вариант «знака Танит» показан на снимке справа). Над «знаком Танит» часто изображали также полумесяц и солнце. В священном пантеоне Карфагена Танит почиталась как подруга главного божества Ваал Хаммона и как богиня плодородия и покровительница усопших. Вполне возможно, что изображение на небольшой стеле IV века до н. э. (снимок слева на стр. 3) также является символом богини Танит: сверху изображена, вероятно, женская грудь — знак плодородия, а под ней — знаки луны и солнца. Другие варианты символических изображений богини Танит показаны также на стр. 40. Справа на стр. 5: терракотовая маска с кольцом в носу (VII—VI века до н. э.), которой пользовались во время религиозных церемоний. Зрачки и ресницы масок окрашивали в черный цвет, лицо — в ярко-красный. В древнем Карфагене мужчины и женщины носили кольца в носу. Маски другого типа, изображавшие лица демонов, надевали исполнители культовых танцев (см. цветное фото на стр. 24).

Фото Жоржа Виолана — Рафо, Париж

Две тысячи лет назад в сенате Рима звучал фанатичный призыв Марка Порция Катона „Карфаген должен быть разрушен!“. И вскоре римские легионы действительно разграбили главный город пунической цивилизации и разрушили его до основания. Сегодня над немногими сохранившимися остатками древнего Карфагена у берегов Средиземного моря, над расположенным неподалеку красочным „старым городом“ Туниса — Мединой — нависла новая опасность: опасность быть погребенными под бетоном растущего современного города. Чтобы предотвратить эту угрозу, ЮНЕСКО и правительство Туниса приступили к осуществлению проекта по сохранению всего района Тунис — Карфаген. Этот номер „КУРЬЕРА ЮНЕСКО“ рассказывает о славном прошлом Карфагена и культурном наследии древнего мусульманского города.

КАРФАГЕН НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

Джелаль Эль-Кафи

ДЖЕЛАЛЬ ЭЛЬ-КАФИ (Тунис) — один из руководителей проекта по развитию района Тунис — Карфаген (в работе по этому проекту принимают участие ЮНЕСКО и Программа развития ООН). Специалист по городскому планированию, Дж. Эль-Кафи является директором Ассоциации защиты Медины Туниса; автор многих работ и статей по этому вопросу.

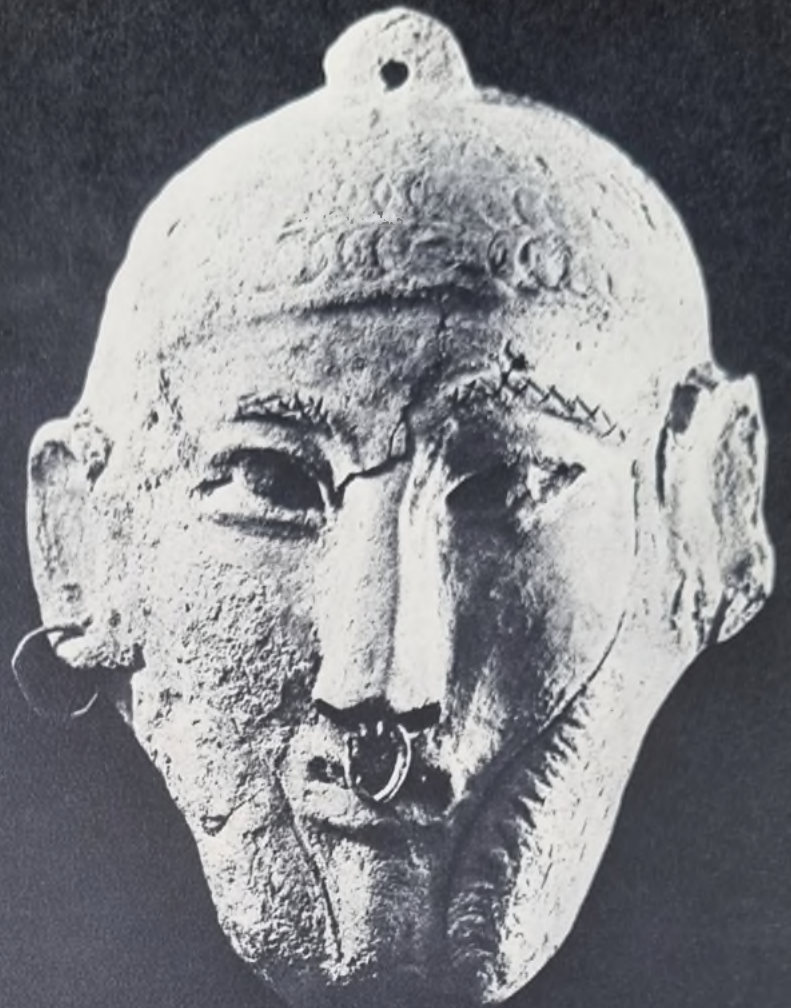

Фото Лока Жубера

В истории Туниса — района, где издавна встречались и скрещивались цивилизации всего средиземноморского мира, — Карфаген предстает как одна из вершин в величественной панораме культурной традиции, насчитывающей не одно тысячелетие. Но мы, живущие рядом с Карфагеном, видели начало, а теперь наблюдаем развитие процесса, который грозит окончательно уничтожить и древний город и даже место, на котором он некогда располагался, — уничтожить настолько, что когда-нибудь от всего этого останется только воспоминание.

В этом своем бедственном положении Карфаген не одинок. Десятки древних городов и других интересных в археологическом отношении мест кажутся обреченными на исчезновение. Необходимо защитить эти невозполнимые сокровища культурного наследия человечества от гибели под натиском современных городов и промышленных сооружений.

Эту простую мысль должен понять каждый из нас — и тот, кто специально изучает проблемы городского развития, и тот, кому просто приходилось видеть, как вырубают деревья знакомого сквера и на их месте возникает унылое асфальтированное пространство стоянки для автомашин.

Ущерб, причиняемый нами окружающей среде, стал сейчас проблемой общемирового значения. Каждый день нам приходится читать о новых актах насилия над природой, и каж-

дый, кто становится свидетелем этого непрекращающегося процесса разрушения, будь он человеком науки или простым прохожим, одинаково испытывает чувство боли, возмущения и утраты.

И все-таки обезображивание живописных мест природы, уничтожение исторических и археологических памятников продолжается невозбранно, и общественное мнение как-то смиряется с процессом порчи и ухудшения среды, которым сопровождается рост городов. Такая пассивность ведет к тому, что в местах, интересных в археологическом отношении, начинается стихийное, ничем не контролируемое строительство, и они быстро покрываются хаотическим нагромождением построек.

Последствия такой разрушительной деятельности проявляются повсюду, но общественность, кажется, принимает как должное это наступление городских кварталов и промышленных сооружений, которое коренным образом меняет отношения между человеком и его окружением, уничтожает следы исторического прошлого.

Сейчас на том месте, где некогда находился Карфаген, можно увидеть лишь разрозненные руины, да и они быстро исчезают. Рассыпанные по окрестностям мало привлекательные здания отнюдь не украшают прилегающую территорию. Величие древнего Карфагена в какой-то мере еще

ощущается в гаванях пунического порта, но будущие поколения могут не увидеть даже следов города пунической и римской эпохи: если дело и дальше пойдет так же, как сейчас, кирпич и бетон современных жилых массивов неизбежно погребут их под собой.

Не так давно, когда воды Нила, поднятые Высотной плотиной, подступали к храмам Абу-Симбела в Нубии, Генеральный директор ЮНЕСКО Рене Майо торжественно заявил: «Немыслимо, чтобы люди сегодняшнего дня не сумели сохранить для себя и для будущих поколений великое наследие, оставленное предками». ЮНЕСКО выступила инициатором международной кампании, и Абу-Симбел был сохранен.

Но как будет с Карфагеном — другим великим сокровищем культурного наследия человечества, важное значение которого для истории Туниса и наших знаний о древнем мире Средиземноморья раскрывается в этом номере «Курьера ЮНЕСКО»?

Действительно, как спасти Карфаген? Ответ на этот вопрос стремятся найти правительство Туниса и ЮНЕСКО, осуществляющие ныне совместный «проект Тунис—Карфаген». Работа началась с тщательного изучения нынешнего состояния самого места расположения древнего Карфагена и сохранившихся памятников. Этот этап по необходимости должен предшествовать составлению плана

реставрационных работ и мер консервации.

Ущерб, наносимый окружению того или иного памятника, вызывается чаще всего быстрым, хаотическим ростом соответствующего человеческого поселения, когда ни правительству, ни местным властям не удается ограничить этот рост какой-то единой, продуманной политикой городского планирования. Следовательно, и проблемы, встающие в этой связи, одинаковы в самых различных местах: это быстрый рост населения, определяющий «расползание» городов, это хаотический, слабо контролируемый отвод земельных площадей под промышленные предприятия, это безостановочное расширение дорожной сети.

Существуют, конечно, и более специфические проблемы, имеющие отношение непосредственно к состоянию того или иного памятника — например, старение и различные «болезни» камня и дерева, усугубляемые воздействием времени и погоды. И все-таки процессу старения «древние камни» противостоят гораздо успешнее, чем отсутствию программы по их охране или, хуже того, наличию законов, запрещающих вообще всякое развитие, как полезное, так и вредное.

Карфаген — характерный пример

в этом отношении. Фотографии, сделанные в начале нашего века, показывают нетронутого окружения; берега их защищены земляными валами. Сейчас все изменилось: вокруг гаваней в беспорядке раскинулось множество зданий, все оплетено паутиной дорог. И теперь здесь, кажется, дело только за предприимчивым дельцом «гостиничного бизнеса», который превратит район бывшего порта Карфагена в туристский центр.

Конечно, было бы абсурдно прямо с порога отвергать любые формы развития туризма. Но в то же время окончательное превращение замечательного комплекса пунического порта в одну лишь приманку для туристов, с ресторанами и отелями, было бы настоящей трагедией — особенно потому, что из-за недостатка средств археологические исследования здесь нигде не доведены до конца.

Замечательные памятники цивилизации, оставившей свой след на земле Туниса тысячи лет назад, слишком значительны, чтобы с ними можно было знакомиться только по книгам. Они требуют научного исследования и прежде всего — сохранения в таком состоянии, чтобы и будущие поколения ученых могли его продолжить. Для этого необходимы единая про-

грамма археологических исследований, твердые правила раскопок, соответствующие средства.

Но при решении вопроса о том, какие именно методы исследовательской работы следует избрать, возникают серьезные трудности. Разрозненные попытки исследовать тот или иной памятник, без комплексного, всеохватывающего плана работы, часто приводят к кустарщине и дают истинные жалкие результаты. В таком случае памятникам бывшего лучше уж лежать под защитным покровом земли и ждать лучших времен, нежели подвергаться бессистемному расчленению.

Мы знаем судьбу многих предметов пунической и римской эпохи, которые были уже найдены при раскопках в Тунисе. Некоторые из них, хотя и «разбросанные» по весьма отдаленным местам, находятся в безопасности — в местных, европейских или других музеях. Другие перешли в руки антикваров или, еще хуже, маклеров, к которым турист, словно движимый шестым чувством, направляется за приобретением сувениров.

Так вещи, представляющие большой интерес в археологическом отношении, становятся не источником исторических и этнографических сведений, а предметом купли-продажи.

Фото из журнала «Археология», Париж

Фото Андре Мартена

Руины дворцового комплекса, воздвигнутого римлянами в начале III века н. э. на месте Карфагена, разрушенного в 146 году до н. э.

Фото Роже Виолле, Париж

На всем побережье Туниса с удивительной легкостью продают и покупают пунические стелы и сосуды, керамику римской эпохи.

Таковы печальные последствия применения устаревших археологических методов, которые на деле лишь немногим отличаются от пресловутой «охоты за сокровищами». Тот, кто практикует такие методы, озабочен прежде всего поиском предметов искусства, но до древнего города ему чаще всего нет никакого дела. После того, как диссертация написана, а найденное уложено на музейные стелы, такой «исследователь» ничуть не заботится о том, что стало с местом ра-

скопок, оставленным без защиты и в полном беспорядке.

Лишенный своих сокровищ, брошенный на произвол судьбы, Карфаген не может противостоять натиску урбанизации: городская застройка повсюду врывается в «археологическую зону», и конфликт между ними проявляется повсеместно. Не проходит и месяца без того, чтобы на месте, имеющем важное значение для изучения истории древнего города, не закладывался фундамент нового здания.

К началу 30-х годов нашего века старые границы города Туниса стали тесны ему. Началось расширение города в направлении к побережью, и вскоре первые постройки — виллы и дачки — появились на территории собственно Карфагена.

Сейчас совершенно ясно, что проблемы городского развития в Тунисе имеют даже более неотложный характер, чем проблемы сохранения мест, интересных в археологическом отношении (хотя оба эти комплекса проблем тесно связаны между собой). И если мы хотим, чтобы проект Тунис—Карфаген принес какую-то пользу, необходимо прежде всего определить размер ущерба, уже причиненного окружающей местностью, и наметить порядок действий.

Если не будет разработан комплексный план развития всего района, наблюдающееся сейчас стихийное вторжение городской застройки уже в 1985 году приведет к окончательному поглощению мест, интересных в историко-археологическом отношении или своей живописностью. Это значит, что рост города, определяемый увеличением численности населения, нанесет непоправимый ущерб и району, где некогда располагался Карфаген, и Медине Туниса, и живописному району Сиди-Бу-Саид, и холмам, дюнам, оливковым рощам морского побережья.

К 1985 году население Туниса будет составлять 1,6—2 миллиона человек, то есть возрастет примерно вдвое. Тогда весь прибрежный район будет застроен и новые кварталы совершенно задавят крошечную археологическую зону, лишат ее всякого значения.

Исчезновение археологической зоны оказало бы серьезное воздействие на весь примыкающий к городу Тунису район. Притяжение большого города будет слишком сильным, в его окрестностях начнется стихийный рост новых пригородов, и ежедневные утомительные поездки их обитателей на большие расстояния станут обычным явлением.

Развитию таких тенденций могли бы воспрепятствовать именно археологические зоны или же зеленые пространства, которые явились бы своеобразным противовесом чрезмерному расширению города и служили бы гармоничному слиянию города и его окружения. Градостроители слишком часто указывают нам на опасности, связанные с возникновением мегалополисов — бесконечных, уныло однообразных масс бетона, — чтобы мы могли пренебречь их предупреждениями. Поэтому свободные пространства и археологические зоны должны быть сохранены и вписаны в общую схему той городской агломерации, которая сложится в районе Туниса и связанных с ним поселений. Это позволит обогатить повседневную жизнь ее обитателей, открыть им доступ к красотам природы и памятникам истории.

Вопрос о включении археологической зоны в современную городскую агломерацию может показаться на первый взгляд делом не столь уж важным по сравнению с неотложными проблемами экономического развития. Но такая зона — замечательное средство привлечения туристов, и потому ее сохранение и соответствующее усовершенствование является полностью оправданным не только с культурно-исторической точки зрения, но и по соображениям содействия экономическому развитию.

И в самом деле, если место, на котором когда-то располагался Карфаген, не будет сохранено, экономическое развитие страны в какой-то степени замедлится, ибо приток туристов, обеспечивающий значительную часть столь необходимой Тунису валюты, по всей вероятности, значительно сократится.

Учитывая изложенные выше сооб-

Карфагеняне были не только прекрасными кораблестроителями, но и не менее искусными строителями портов. Для своего огромного торгового флота и многочисленных военных галер, обеспечивавших безопасность мореплавания, они соорудили в Карфагене два порта. Военный порт, вмещавший 220 кораблей, до наших дней сохранил свои первоначальные очертания (снимок слева). Узким каналом, который в случае опасности перегораживался массивными цепями, он соединялся с внешним торговым портом. На острове, в центре акватории, размещалось адмиралтейство, откуда кораблям передавались приказы звуковыми или световыми сигналами. Ныне на полуострове, к югу от порта, расположен городок Эль-Карм. Справа сверху видно озеро Тунис, отрезанное от моря дамбой, тянущейся до самого города. На крайнем фото слева видна территория древнего Карфагена, застроенная современными зданиями. Лагуна в районе Саламбо — предполагаемое место бывшего торгового порта карфагенян. Слева от названия «Карфаген» — холм Бирса, где был центр древнего Карфагена.

Фото Пьетро Меле, Париж

Первые карфагенские монеты начали чеканить в начале IV века до н. э., когда на холме Бирга был построен монетный двор. Слева: карфагенская монета III века до н. э. с изображением боевого коня — символа военной мощи Карфагена. Над конем — солнечный диск с двумя священными змеями «турез», эмблема верховной власти.

Великие морские традиции Карфагена нашли свое отражение и в искусстве Рима. На снимке показан фрагмент мозаичного панно, украшавшего в III веке н. э. бассейн для сбора дождевой воды на римской вилле неподалеку от города Тунис. Два рыбака тянут сеть, третий бросает копьё в осьминога. Фрагмент мозаики и монета хранятся в музее Бардо в Тунисе.

КАРФАГЕН (Продолжение)

ражения комплексного развития, проект Тунис—Карфаген предлагает организационную схему переустройства всего района, предусматривающую:

- Выделение историко-археологических зон (Карфагена и Медины).
- Развитие строительства гостиниц и тому подобных учреждений, необходимых для расширения культурного туризма.
- Удовлетворение требований, возникающих в связи с быстрым ростом населения и необратимым процессом стремительного расширения территории города.

Все эти три фактора неразрывно связаны между собой, и при решении тех или иных проблем необходимо учитывать каждый из них. Кроме того, если мы исходим из предположения, что стабилизация численности населения в данном районе будет достигнута примерно к 1985 году, то необходимо разработать и планы развития отдельных компонентов будущей городской агломерации, которые также должны включать отвод земельных площадей под археологические зоны и свободные пространства (как в целях содействия экономическому развитию, так и в целях недопущения «перегруженности» застройкой того или иного района).

В проекте Тунис—Карфаген распределение населения по районам к 1985 году представляется следующим образом:

- Тунис — 1,3 миллиона жителей.
- Северный прибрежный район — 220 тысяч жителей.

■ Южный прибрежный район — 170 тысяч жителей, то есть в целом численность населения во всей агломерации должна составить около 1,7 миллиона человек.

В районе собственно Туниса главной задачей будет восстановление роли Медины как подлинного центра города, сердца всей его жизни. Противопоставление «колониального города» и «арабского квартала» должно быть устранено; стихийное развитие «лачужного города» также должно быть приостановлено.

В северном прибрежном районе предусматривается активное развитие археологической зоны (и, следовательно, культурного туризма), сопровождаемое контролируемым ростом городской застройки; предполагается, что благоприятные экономические результаты такого развития позволят со временем создать на месте Карфагена целостный историко-археологический комплекс, наглядно раскрывающий значение древнего города.

Южный прибрежный район агломерации, примыкающий к промышленной зоне, протянется вплоть до великолепных пляжей мыса Бон и свяжет Тунис с районом страны, весьма благоприятным для развития туризма.

Таким образом, хотя первоначальная цель работ по восстановлению памятников всего района Тунис—Карфаген состоит в том, чтобы содействовать экономическому развитию страны, можно смело сказать, что только такой подход может дать ответ на многочисленные вопросы, связанные с сохранением археологических памятников Карфагена, обеспечением условий для продолжения исследова-

ний остатков города пунической и римской эпохи.

Уже сейчас, в ожидании начала более интенсивных исследований, можно предпринять некоторые меры по защите археологической зоны. Ряд мест следует объявить временно или постоянно закрытыми для строительства, в других следует проводить лишь ограниченные строительные работы. Когда будут собраны необходимые средства, комплексный план научных исследований, охватывающий различные периоды истории города, определит по-настоящему ценные в археологическом отношении районы города и прилегающих территорий; менее интересные места будут, естественно, предоставлены для использования строителям.

Этот краткий очерк дает некоторое представление о задачах, стоящих перед международной группой экспертов, перед их тунисскими коллегами, которые пытаются выявить причины процесса разрушения комплекса археологических памятников — Карфагена и исторической части Туниса — Медины.

Но предложения этих специалистов по комплексному развитию всего района будущей городской агломерации станут реальными, естественно, только тогда, когда с помощью специальной международной кампании будут собраны средства, необходимые для раскопок и консервации, для развития района в целом.

И решающим фактором в деле сохранения древнего Карфагена явится, несомненно, помощь ЮНЕСКО, оказанная по просьбе правительства Туниса.

Величие и упадок пунического города-государства

Хеди Слим

Возвышение Карфагена, превращение его в могущественную морскую державу составляет ярчайший эпизод в истории великих свершений финикийцев в Западном Средиземноморье.

В конце второго тысячелетия до н. э. финикийцы, уже завоевавшие к тому времени место в истории изобретением алфавита и своей ролью в развитии мореплавания и международной торговли, начали исследовать побережье Северной Африки, нащупывая путь в сказочно богатую страну Тартесс, располагавшуюся на юге Испании. Продвигаясь вперед, эти отважные первопроходцы Средиземного моря оставляли за собой на неведомых раньше берегах все новые и новые торговые колонии.

Первым финикийским поселением в Тунисе была Утика, основанная в 1101 году до н. э. Карфаген появился тремя столетиями позже, в 814 году до н. э. Его основала сестра царя Тира Элисса, и обстоятельства возникновения города, само его название (по-финикийски «Карт-Хадашт», что означает «новый город» или «новая столица») словно бы возвещали славное будущее колонии.

Правда, в течение многих лет Карфаген признавал первенство Тира и Утики, но потом пришло время, когда он затмил их. Возвышение города было обусловлено его энергичной колонизационной деятельностью в Средиземноморье, но этому способствовали и бурные события на Востоке, вызвавшие упадок старых городов Финикии.

Тир сумел избежать подчинения Вавилону, но не смог противостоять натиску Персии, и роль столицы Финикийской державы перешла от этого города с несчастливой судьбой к его

ХЕДИ СЛИМ — известный тунисский археолог, заместитель директора Национального института археологии и искусства в Тунисе, руководитель археологических исследований, проводимых на месте римского поселения в Эль-Джеме. Автор многих научных работ, посвященных итогам раскопок этого поселения и истории Туниса и его цивилизации.

Фото: Фото Визит, Париж

Прцветавшая торговля в древнем Средиземноморье

более удачливому преемнику — Карфагену.

Местоположение новой столицы — в самом сердце Средиземноморья — было весьма выгодным, она унаследовала традиции Тира в области мореплавания и торговли и его обширные владения с множеством торговых колоний и факторий. Все это позволило Карфагену еще больше расширить масштабы финикийского проникновения в Западное Средиземноморье, дало ему возможность превратиться в грозную державу, способную играть ведущую роль на политической арене той эпохи и даже определять судьбы тогдашнего мира.

Первым стремлением Карфагена было в то время упрочение обширной унаследованной империи. Принудить другие западные финикийские города к признанию первенствующей роли Карфагена было, вероятно, не слишком трудно — они согласились поступиться значительной долей своей независимости в обмен на защиту со стороны метрополии от поползновений многочисленных соперников.

Вторым шагом явилось расширение пределов новой державы. Началось это с укрепления позиций Карфагена в Сицилии.

Из Мотии (один из сицилийских городов) карфагенское войско под командованием военачальника Мальхуса двинулось на Север, чтобы покорить племена, обитавшие на горе Эрикс, и занять города Сегеста, Палермо и Солунт. В своем продвижении карфагеняне достигли Гимеры и Селинунта на границе Греческой Сицилии.

Затем внимание Карфагена обратилось к Сардинии, где в VI веке до н. э. ему удалось захватить первые опорные пункты. Города Нора, Тарр и Каралис послужили плацдармами для победоносных походов в глубь острова. На Сардинии и до наших дней сохранились многочисленные памятники пунической цивилизации, процветавшей там несколько столетий.

Примерно в это же время карфагеняне начали укреплять свои позиции и на Западе. Два финикийских города уже существовали — Ликсус в Марокко и Гадес (ныне Кадис) в Испании. В Ивисе, на Балеарских островах, возникла новая колония.

Таким образом, к концу VI века до н. э. Карфаген подчинил себе все финикийские колонии в Северной Африке, от Триполитании до побережья Атлантики, и значительные территории Сицилии, Сардинии, Испании и Балеарских островов.

Благодаря своим владениям Карфаген стал богатейшим городом-государством в Западном Средиземноморье. Еще больше укрепил его положение договор о союзе с этрусками, государство которых было тогда весьма сильным. Связи между союзниками еще более окрепли, когда на авансцену событий выступил их общий враг — греки.

Основатели Массалии (ныне Марсель), греки из Фокеи, около 600 года

до н. э. стали силой, с которой пришлось считаться. Они сумели приобрести благорасположение царя Тартесса, владельца серебряных рудников, и подумывали о создании колонии в этой части Испании (нынешней Андалусии). Фокейские греки проникли также на Корсику и тем самым начали серьезно угрожать Карфагену.

Объединенному флоту карфагенян и этрусков удалось приостановить продвижение фокейцев в битве при Алалии (Алери) на Корсике (535 год до н. э.). Греки были изгнаны с Корсики и из Испании, в их руках остались только Залив Львов. С этого времени карфагенян и этрусков всегда связывали торговые и военные соглашения, заключавшиеся во имя общих интересов.

Однако последовавший вскоре упадок Этрурии вынудил карфагенян искать союза с Римом. Договор о таком союзе заключался трижды; впервые это произошло в 509 году до н. э. Но даже и тогда, когда обе державы по видимости были союзниками, Карфаген с подозрением встречал любую попытку Рима проникнуть в сферу финикийского влияния. Грядущее столкновение было уже не за горами, и не удивительно, что позднее могущественным державам древнего мира пришлось вступить в самую безжалостную, самую кровавую в истории античности схватку.

По первому договору римлянам предоставлялось право торговли в Сардинии, на Сицилии и в Африке, но их кораблям запрещалось подходить к славившимся своим плодородием берегам Центрального и Южного Туниса. Во втором договоре карфагеняне выдвинули уже более жесткие требования, запретив римлянам высаживаться в Сардинии, Африке и Андалусии (такая высадка допускалась лишь тогда, когда обстоятельства выходили из-под контроля человека). Карфаген, таким образом, употреблял все средства — и военные, и дипломатические, — чтобы укрепить свое положение и расширить границы своей державы.

Возвышение Карфагена встретило противодействие со стороны греков, государственные образования которых в V веке до н. э. достигли вершин расцвета. Греки в 480 году до н. э. нанесли карфагенянам сокрушительное поражение при Гимере (в Сицилии). Это событие явилось поворотным пунктом в истории экспансии Карфагена на морях.

Возрастающее влияние греков в Восточном и Западном Средиземноморье во многом изменило образ жизни карфагенян. Суровая простота становится отличительной чертой их быта в эту эпоху. Археологи отмечают, например, бедность карфагенских захоронений V века до н. э., в которых крайне редко встречаются предметы иноземного происхождения — коринфская или аттическая керамика или египетские украшения.

Но изоляция Карфагена, упадок его торгового могущества породили и нехватку многих других товаров — не только предметов роскоши, но и са-

мых насущных. Чтобы ликвидировать эти трудности и повысить свою оборонительную способность в условиях постоянной угрозы нападения со стороны греков, Карфаген решил обратиться к завоеванию территорий в самой Северной Африке. Эти завоеванные территории составили площадь, равную примерно современному Тунису.

Завоевание, проходившее в ожесточенной борьбе с местным населением, окончательно превратило карфагенян «из тирицев в африканцев». В то же время оно позволило значительно улучшить экономическое положение Карфагена, обеспечив широкое поступление сельскохозяйственных продуктов. Благоприятно сказались завоевание внутренних областей и на военной мощи Карфагенской державы — ее армия получила новые контингенты испытанных и закаленных воинов.

Наконец, завоевание знаменовало собой начало новой эры в истории античного Туниса, который в большей мере начал пользоваться плодами пунической цивилизации. Ее влияние и сейчас в какой-то мере ощущается в культурном наследии и национальном своеобразии современного Туниса.

Освоение природных ресурсов новых территорий, новые рынки, открытые в глубине Африканского континента, укрепление торговых отношений с государствами Востока, возникшими в результате завоеваний Александра Македонского, неукротимое стремление вернуть былое могущество — все это создало условия для нового возвышения Карфагена как раз к тому времени, когда в греческих полисах, ослабленных бесконечными внутренними раздорами, начали проявляться явные признаки упадка.

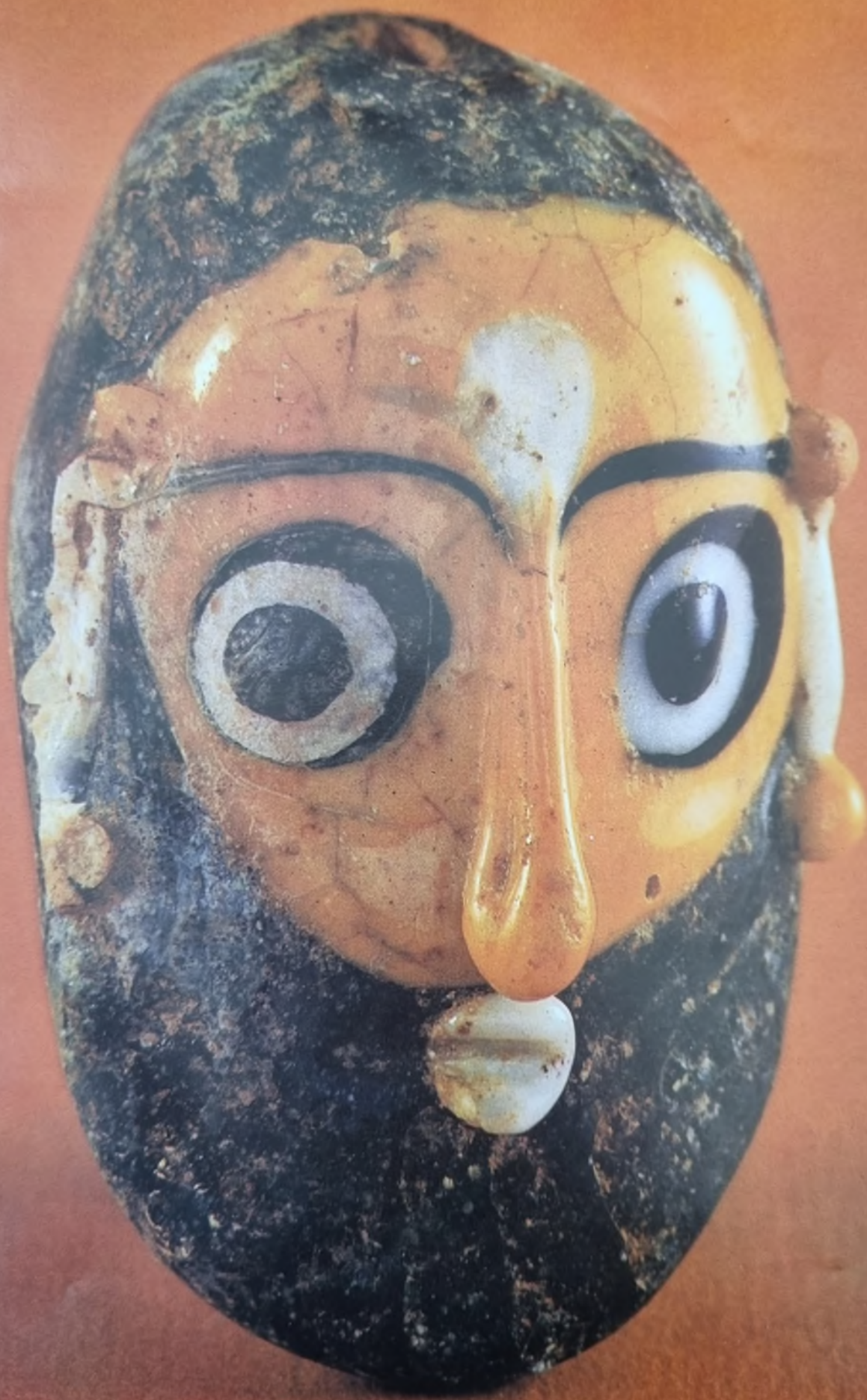
Карфаген не упускал любой возможности вернуть все то, что было им ранее утеряно в Сицилии. Тщетно пытался Агафокл, тиран Сиракузский,

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР 13

МИНИАТЮРНЫЕ МАСКИ

Украшение из стеклянной пасты в виде миниатюрной маски размером 2,5×3 см сделано в III веке до н. э. Карфагенские ремесленники достигли удивительного совершенства в искусстве миниатюризации многоцветных стеклянных масок, которые клались в могилы, чтобы охранять мертвых от злых духов (см. также цветное фото на стр. 12).

Фото Люка Жубера
Музей Бардо, Тунис

Великая морская держава античности

помешать новому продвижению карфагенян, хотя ему и удалось вторгнуться в Северную Африку и даже подойти к стенам Карфагена; тщетно Пирр, царь Эпира, защитник клонившегося к упадку западного эллинизма, спешил на помощь греческим городам в Сицилии. Дело было уже проиграно, и Карфаген постепенно распространил свое влияние практически на всю территорию острова.

Приложи Карфаген еще одно усилие, и он стал бы полным хозяином положения задолго до середины III века до н. э.; но медлительность действий привела к тому, что его войско подступило к Мессане только в 269 году, когда ему пришлось столкнуться с новой силой — легионами Рима, превратившегося уже в великую средиземноморскую державу. Вскоре два гиганта сошлись в смертельной схватке; три этапа этого длительного единоборства стали своего рода «мировыми войнами» античной эпохи.

Последний период истории Карфагена как значительной средиземноморской державы приходится на время между первой и второй пуническими войнами. Потерпев поражение в первой войне, Карфаген вынужден был очистить всю Сицилию. Силы его уже надломилась; в правящей верхушке все чаще брали верх эгоистические соображения, и, ослепленная ими, она враждебно встречала любые проявления истинного величия и не стремилась к преобразованиям.

Один из карфагенских полководцев, Гамилькар Барка, обладал достаточной проницательностью, чтобы распознать причины несчастья, обрушившихся на страну, и сумел извлечь уроки из недавних неудач. Ему при-

надлежит заслуга возобновления экспансии Карфагена в Средиземноморье. Меры, предлагавшиеся им, основывались на идеях, коренным образом отличавшихся от прежних воззрений карфагенян на роль и принципы устройства их державы.

Образ действий Гамилькар Барка заимствовал у правителей эллинистических государств, которые были одновременно и царями, и военными вождями. Но монархический режим в самом Карфагене был немислим, и поэтому Гамилькару пришлось создавать свое царство не на родине, а в Испании, где финикийцы и карфагеняне уже не раз добивались успеха. Это было достаточно далеко от Рима и от Карфагена, чтобы не возбудить у них подозрений, и, кроме того, открывало путь к богатствам, с помощью которых можно было в случае войны парализовать попытки римлян задушить морскую торговлю — основу пунической экономики.

Гамилькар понимал, что именно в Испании перед ним открывается возможность создать сильную военную державу, построенную на монархическом принципе, найти все экономические и человеческие ресурсы, необходимые для войны. Он немедленно начал завоевание Испании и вскоре покорил значительную ее часть.

Примером для него был в этом отношении Александр Македонский, создатель великой империи. Подобно ему, Гамилькар основывал свою власть на военном могуществе и с этой целью содействовал распространению легенды о «вдохновенном и непобедимом» полководце. В то же время он, проводя политику ассимиляции побежденных народов, открыл их представителям доступ в свою армию и поощрял смешанные браки.

Преемник Гамилькара Гасдрубал, продолжая начатое им дело, основал вторую «новую столицу» — Новый Карфаген (нынешняя Картахена), чем отнял у старого Карфагена привилегию считаться первым и единственным Новым Тиром. Гасдрубал построил в этом городе дворец и принял титул царя.

Выгоды завоевания Испании скоро почувствовались во всем пуническом мире. Менее чем в двадцать лет Гамилькар, Гасдрубал и Ганнибал (все представители семьи Барка)полнили государственную казну Карфагена, укрепили его экономическую и военную мощь. Широкие горизонты открывались перед Карфагенской державой в тот момент, когда Рим, страшась неизбежных последствий нового усиления Карфагена, поспешил объявить ему войну.

Но известие о поражении Ганнибала на африканской земле в 202 году до н. э. прозвучало похоронным звоном для Карфагена как великой средиземноморской державы. С этого времени до разрушения города в 146 году до н. э. Карфаген сохранял лишь незначительную степень автономии, да и то только в решении вопросов внутренней жизни.

Основная заслуга в длительной истории успешной экспансии Карфаген-

ской державы принадлежит, естественно, ее флоту — наследнику мореходных традиций финикийцев.

В пуническом флоте были суда двух типов: тяжелые, с округлым корпусом, служившие в основном для торгового мореплавания, и длинные, узкие, быстрые галеры, способные легко маневрировать при сближении с вражеским флотом.

Полибий так описывает карфагенские галеры: они «строились так, что могли двигаться в любом направлении с величайшей легкостью, веслами их управляли хорошо обученные гребцы... если враг, ожесточенно нападавая, теснил такие корабли, они отступали, не подвергая себя риску: ведь легким судам не страшно открытое море. Если враг упорствовал в преследовании, галеры разворачивались и, маневрируя перед строем кораблей противника или охватывая его с флангов, снова и снова шли на таран...». Галеры, таким образом, использовались для боя; менее маневренные парусные суда составляли основу торгового флота.

Во флоте карфагенян насчитывалось несколько тысяч судов, построенных искусными и опытными мастерами. Верфи Карфагена славились во всем древнем мире, а моряки хорошо знали море и уверенно водили свои корабли по его просторам, хотя в то время компас не был известен. Во время войн торговые суда реквизировались и со всем экипажем переходили на службу государству; их задачей было обеспечить перевозку войск и снаряжения. В мирное же время военные корабли защищали караваны торговых судов от пиратов или охраняли подступы к районам, где торговля находилась в руках карфагенян.

Карфаген был наследником давней традиции мореплавания. Финикийцы еще во времена египетского фараона XXVI династии Нехао по его поручению совершили плавание вокруг Африки. Выйдя из Красного моря, они обогнули мыс, известный ныне под названием мыса Доброй Надежды, и вернулись в Египет через Гибралтарский пролив (Геракловы Столпы).

О морских путешествиях самих карфагенян сведений сохранилось весьма мало. Более или менее известны лишь два из них, осуществленные в V веке до н. э. в прибрежных водах Атлантики. Описание первого такого плавания, проходившего под руководством Ганнона, дошло до нас в греческом переводе. Цель его была двойной: во-первых, путешественники собирались посетить пунические города на побережье Марокко и основать по пути новые колонии; во-вторых, они намеревались затем исследовать лежащее далее побережье Западной Африки (см. материал, публикуемый на странице 14).

Описание путешествия Ганнона дает обильную пищу для различных толкований. Попытки определить, какие именно участки африканского побережья упоминаются в нем, предпринимались неоднократно, но без большого успеха. Согласно наиболее распространенной точке зрения, «Ко-

МАСТЕРА-СТЕКЛОДЕЛЫ ИЗ КАРФАГЕНА

Амулеты-маски из стеклянной пасты производились в Карфагене и в виде предметов быта. Преобладающие цвета этих миниатюрных подвесок — белый, синий и желтый. Древнейшая из найденных подвесок (вверху) выполнена по сирийским мотивам и относится к IV веку до н. э. Шершавая поверхность на подбородке изображает здесь бороду, хотя обычно подбородок покрывали искусно выделанными завитушками. Карфагенские мастера работали также и с жемчугом, выдували флакончики для благовоний, изготавливали безделушки и художественные украшения из драгоценных металлов.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАННОНА- МОРЕПЛАВАТЕЛЯ

До наших дней дошли лишь немногие описания морских путешествий финикийцев и карфагенян. Самое известное из них — одиссея Ганнона-мореплавателя, который вышел в Атлантический океан через Гибралтарский пролив (Герakловы Столпы) и совершил плавание вдоль западного побережья Африки. Пуническая надпись, рассказывающая об этом путешествии, была высечена некогда в храме Кроноса в Карфагене; сама она не сохранилась, и нам известен только ее греческий перевод III века до н. э. Упоминание Плиния о том, что экспедиция Ганнона была организована в эпоху, «когда Карфагенская держава достигла зенита своего величия», заставляет предположить (но, естественно, отнюдь не доказывает), что событие это имело место в V веке до н. э. Ниже мы публикуем «Перипл Ганнона» — занимательное описание путешествия, полного приключений.

Карфагеняне решили, что Ганнон выйдет в море за Герakловы Столпы и оснует карфагенские города. Он отплыл с шестидесятью кораблями, на которых было тридцать тысяч мужчин и женщин, снабженный припасами и всем необходимым.

Пройдя Герakловы Столпы, через два дня плавания после них, мы заложили первый город, которому дали имя Тимитрион. Кругом него простиралась обширная равнина.

Потом мы продолжали наш путь в западном направлении и прибыли к ливийскому мысу Солозис, поросшему лесом; воздвигнув святилище в честь Посейдона, мы поплыли снова и половину дня шли к восходу солнца, после чего попали в лагуну, весьма близкую к морю и заросшую высоким частым тростником. Им кормились слоны и великое множество других животных. Оставив ту лагуну и проплыв еще день, мы заложили прибрежные города, получившие такие названия: Карийская Стена, Гитте, Акра, Мелитта и Арамбис.

Покинув это место, мы подошли затем к большой реке Ликсос, вытекающей из Ливии. По берегам ее пасли свои стада кочевники-ликситы. С этими людьми мы провели некоторое время и сдружились с ними. Выше по течению от их

ВЕЛИЧИЕ И УПАДОК (Продолжение)

лесницей богов» в этом описании именуется нынешняя гора Камерун, а крайняя точка продвижения экспедиции лежала где-то в Гвинейском заливе.

Однако некоторые историки полагают, что фактически пройденное расстояние было гораздо короче. Трудности «привязки» описания к конкретным особенностям африканского побережья увеличиваются еще и в связи с тем, что Ганнон вполне мог «приукрасить» свой отчет о путешествии, чтобы сбить с толку тех, кто захотел бы по его следам добраться до мест торговли золотом.

Сведения о втором путешествии — путешествии Гимилкона — еще менее определены. Мы знаем только, что он

Маршруты торговых путей, показанные на схеме, более или менее гипотетичны; указываются в соответствии с данными античных авторов и археологических исследований.

●●●● ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.

Троя — Крит: торговля золотом; Библ — устье Нила: вывоз кедровой древесины; путь в Индию (через Персидский залив): торговля предметами роскоши [металлические изделия из Месопотамии, слоновая кость из Индии и т. д.]; путь через Красное море: торговля ладаном (Египет, Аравия, Сомали).

----- ВТОРОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э. — IV ВЕК ДО Н. Э.

Пути мореплавателей — основателей греческих колоний; путь к Трое героев «Илиады»; путь аргонавтов в Черное море, плавание Одиссея к Сицилии и Италии; путь греков к Корсике, Марселю, Испании, Гибралтару, Северной Европе; «янтарный путь» через Адриатику.

++++ ПЛАВАНИЕ ГАННОНА

Путь плавания карфагенского первопроходца Ганнона (V век до н. э.) — через Гибралтарский пролив к западному побережью Африки.

OOOO III ВЕК ДО Н. Э. — II ВЕК Н. Э.

Новые морские пути в Центральном Средиземноморье — из Карфагена к Сицилии, Сардинии, Корсике, к Балеарским островам, Гибралтару, атлантическому побережью.

стоянок живут неприветливые эфиопы, в стране которых много диких зверей. Ее пересекают высокие горы, где, как говорят эти люди, берет свое начало река Ликсос. Они говорят еще, что вблизи этих гор обитают троглодиты, вид которых весьма странен. Ликситы утверждают, что в беге троглодиты могут обогнать коня.

Взяв с собой толмачей-ликситов, мы поплыли вдоль пустынного берега к югу и плыли так два дня, а потом к восходящему солнцу больше дня. В дальнем конце залива, к которому мы подошли, мы обнаружили небольшой островок пяти стадий в окружности. Мы дали ему имя Керн и оставили на нем поселенцев. Подсчитывая пройденный путь, мы решили, что островок этот должен располагаться напротив Карфагена, ибо нам пришлось плыть до него от Герakловых Столпов столько же, сколько от Карфагена до Герakловых Столпов.

Оттуда мы поднимались вверх по большой реке, называемой Кретес, и достигли озера с тремя островами, каждый из которых был больше Керна. Оставив эти острова, мы плыли по озеру один день и достигли его края, над которым нависали высокие горы. На горах мы увидели множество дикарей, одетых в звериные шкуры. Они бросали в нас камнями и тем

исследовал атлантическое побережье Западной Европы в поисках серебра и олова и прошел в северном направлении, вероятно, до самых Британских островов.

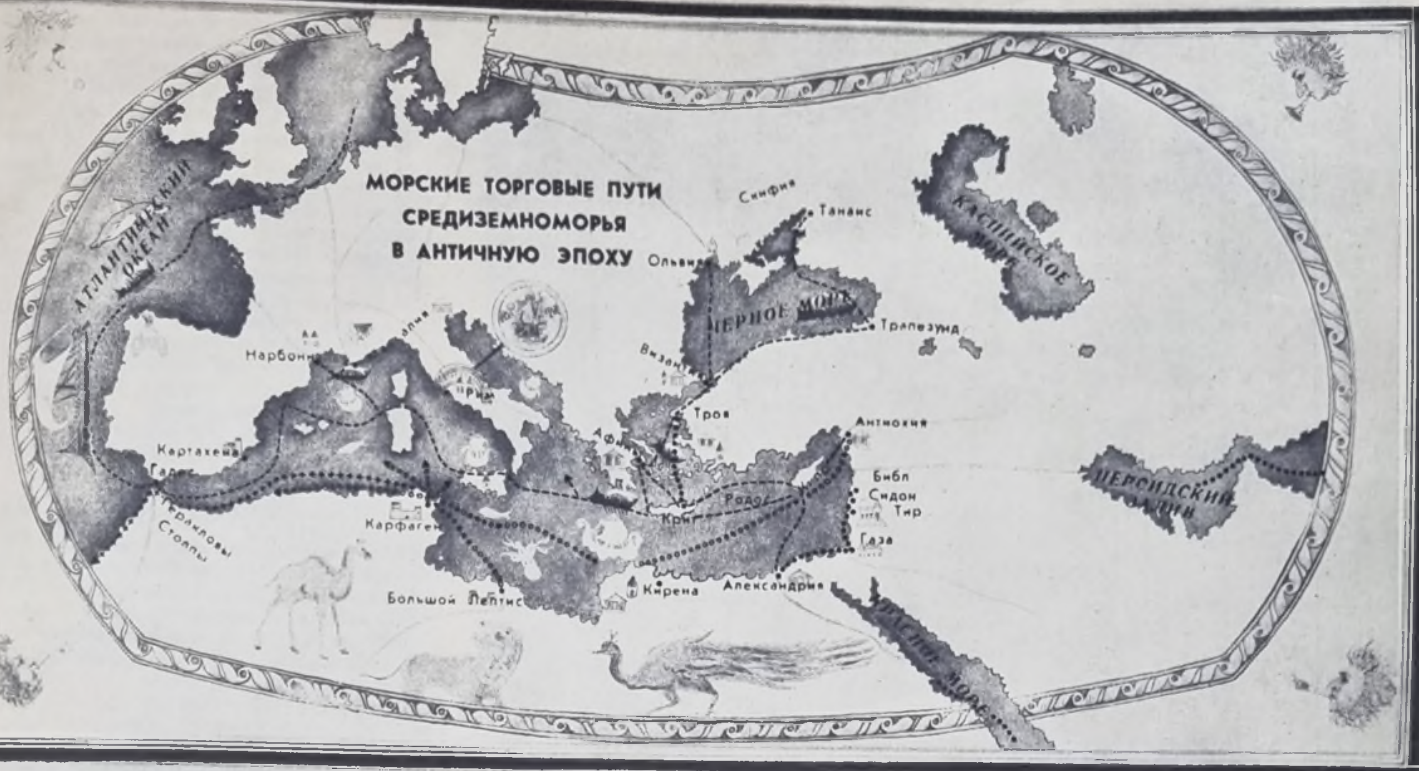
Карфагеняне, эти неутомимые «труженики моря», стремились такими путешествиями расширить и улучшить свою торговлю. Долгое время они были фактически монополистами морской торговли в атлантических водах, которая развивалась в двух направлениях — к побережью Тропической Африки и к берегам Европы, особенно Бретани, Англии и Ирландии. Далекое плавание на север предпринимались ради серебра и олова.

Но гораздо более прочные связи имели карфагеняне со странами Сре-

диземноморья, в частности с Грецией. Хотя в V—IV веках до н. э. торговые отношения с греками были почти полностью прерваны, после завоевательных походов Александра Македонского они снова быстро расширились. Это подтверждается многочисленными находками греческих изделий александрийской эпохи и родосских амфор в пунических погребениях.

Прочные торговые связи существовали у Карфагена и с другими областями древнего мира — Кампанией, Этрурией, Испанией, Сицилией, Делосом. С этими странами Карфаген обменивался сырьем, готовыми изделиями, сельскохозяйственными продуктами.

Благосостояние Карфагена основыва-

Карта Виллема ван Миллсена. Архив Робера Лаффона, Париж

помешали нам высадиться. Потом мы вошли в другую реку, широкую и просторную, полную крокодилов и гиппопотамов. После этого мы вернулись назад, к Керну.

Оттуда мы поплыли к югу вдоль берега, заселенного сплошь эфиопами, которые разбежались при нашем появлении. Язык их был непонятен даже ликситам, которые были с нами. В последний день мы высадись у высоких гор, поросших деревьями. Древесина у них была многоцветная и издавала приятный запах. Вокруг этих гор мы плыли два дня и попали в огромный залив, на другой стороне которого была равнина; там мы увидели огни большие, и шум был весьма великий. Нас охватил страх, и наши прорицатели велели нам удалиться от этого места.

Пополнив запас воды, мы продолжали плыть вдоль берега еще пять дней, после чего опять оказались в большом заливе, который толмачи наши называли Рогом Запада. В заливе был большой остров, а на острове — лагуна с еще одним островом. Высадившись в этом месте, мы не увидели днем ничего, кроме леса; но ночью увидели множество огней и услышали звуки флейт и бой барабанов, и шум был весьма великий. Нас охватил страх, и наши прорицатели велели нам удалиться от этого места.

валось главным образом именно на торговле, и поэтому город-государство ревниво следил за поддержанием безопасности на своих торговых путях, окружал тайной маршруты к «заповедным зонам» своей торговли, чтобы запутать соперников.

Как мы видели, Карфаген нередко прибегал к решительным дипломатическим или военным мерам, чтобы защитить интересы своих граждан. Его моряки поступали не менее решительно и делали все возможное и невозможное, чтобы сбить со следа преследователей или запугать их устрашающими слухами о трудностях своих морских дорог.

Поразительный пример такой решимости мы видим в действиях

одного из карфагенских капитанов (этот случай запечатлен в трудах классиков): римляне неотступно преследовали карфагенское судно, пытаясь выведать, куда оно направляется. Карфагенянам не удалось отделаться от преследователей, и кормчий, не видя другого выхода из положения, намеренно повел свое судно к мели, чтобы завлечь на нее соперника. Его судно село на камни, но и римлян постигла та же участь.

Карфагенская держава, многочисленные колонии которой были рассеяны по всему Западнему Средиземноморью и по восточным берегам Атлантического океана, оказывала очень сильное влияние на события, имевшие место в древнем мире. Пунические города в Северной Африке и в

Мы поспешили оставить его и плыли вдоль берега, охваченного огнем и испускавшего сильный запах. Огненные потоки стекали с него и вливались в море. Жар у земли стоял такой, что подойти к ней было невозможно. Пораженные ужасом, мы поспешили прочь. Так мы плыли четверо суток и каждую ночь видели землю, обвятую огнем. В середине было особенно высокое пламя, выше всех других огней, и оно, казалось, достигало звезд. Днем мы поняли, что это очень высокая гора, называемая Колесницей богов.

Покинув это место, мы плыли вдоль горящего берега три дня и подошли к заливу, который именуется Рогом Юга. У его оконечности лежал остров, такой же, как первый, и на нем было озеро, а на озере — другой остров, полный дикарей. Это были большей частью женщины с волосатыми телами. Толмачи называли их гориллами.

Мы пытались поймать нескольких самцов, но не преуспели в этом, ибо они ловко карабкались по скалам и отчаянно отбивались. Зато мы поймали трех самок. Тех, кто их изловил, они кусали и царапали, не желая следовать за ними. Мы убили их и содрали с них шкуры, чтобы привезти с собой в Карфаген. Дальше мы не плыли из-за нехватки припасов.

других частях средиземноморского бассейна были центрами плодотворных контактов между представителями различных культур Средиземноморья, центрами обмена достижениями этих культур. Немалый вклад в развитие такого взаимовыгодного обмена внесли и карфагенские торговцы — люди, хорошо известные в древних городах Востока и Запада.

Карфаген — великая метрополия античной эпохи, выросшая на традициях Востока, Африки и Средиземноморья, — выступал в древнем мире как мощная цивилизующая сила. Вклад Карфагенской державы в культурное развитие человечества, долгое время недооценивавшийся, начинает сейчас получать все большее признание благодаря широкому развитию

В античном мире Карфаген славился как крупнейший центр торговли, в которой важную роль играли и предметы искусства. Слева: маска, нарисованная на скорлупе страусового яйца. Множество таких масок, назначением которых было охранять покой мертвых, найдено в захоронениях карфагенян на Сицилии, Сардинии и в Испании. Внизу: иберийская скульптура III века до н. э., отмеченная влиянием пунического стиля (музей Прадо в Мадриде). Этот бюст известен под названием «Дама из Эльче» — по месту в Испании, где он был обнаружен. На странице 17: терракотовые статуэтки из карфагенских поселений в Тунисе — египетско-финикийский сфинкс [VI век до н. э.] и фигура богини-матери, выполненная в ионическом стиле. Эти произведения были либо ввезены в Карфаген, либо скопированы местным мастером. Ныне хранятся в Национальном музее Карфагена [Тунис].

Фото Люка Жубера

Фото Роже Виолле

ВЕЛИЧИЕ И УПАДОК (Продолжение)

археологических и исторических изысканий.

В 146 году до н. э. римский полководец Сципион Эмилиан, армия которого штурмом взяла Карфаген, получил повеление сената разрушить город. Выполняя его, воин не мог сдержать слез. При виде пылающего города он громко произнес известные строки Гомера: «Будет некогда день, и погибнет священная Троя, с нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама...» Должно быть, не только само трагическое зрелище гибнущего города потрясло Сципиона Эмилиана; вероятно, он думал и о том, что исчезает с лица земли столица некогда великой и влиятельной державы.

Лишь немногие следы былого величия Карфагена избежали мстительной ярости врагов. Сегодня они украшают тихий жилой район в пригороде Туниса, известный своим спокойствием и красотой. Это действительно одно из прекраснейших мест в мире: мыс в дальнем конце Тунисского залива, покрытый зеленью сбегающих к морю садов, и белые здания, прихотливо разбросанные в этой зелени...

У основания мыса находятся остатки пунического порта с двумя гаванями. Посредине одной из них, круглой, лежит островок, на котором в древности располагались, видимо, здания карфагенского адмиралтейства. Здесь бросал якоря один из крупнейших флотов древнего мира; здесь готовились к выходу в море мужественные пунические мореплаватели и создатели великой державы.

Гавани сейчас занесены илом и дают лишь отдаленное, слабое представление об исторической их значимости. Но если их соответствующим образом реставрировать, они в полный голос заговорят о былой славе этого великого города. ■

ВОСЕМЬ СТОЛЕТИЙ КАРФАГЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Жильбер-Шарль Пикар

ЖИЛЬБЕР-ШАРЛЬ ПИКАР—руководитель французской археологической миссии в Махгаре (Тунис), профессор римской археологии Сорбонны, директор Службы древностей центральной Франции. В 1941—1955 годах возглавлял Службу древностей Туниса и руководил раскопками в Карфагене, в частности раскопками известного терм Антонина. Автор многочисленных трудов по истории и археологии Карфагена.

Карфаген занимает в истории особое место. Первоначально это была колония, основанная в Западном Средиземноморье обитавшим в Азии народом семитского происхождения, — факт сам по себе несколько необычный, так как на протяжении веков преобладала колонизация в противоположном направлении. В историческое время случаи колонизации, развивавшейся с Востока на Запад, были немногочисленны (наиболее яркий пример в этом отношении — колонизация мусульманами Испании), но не исключено, что в доисторические времена их

было больше, хотя явных свидетельств этого не имеется.

Хотя Кордовский халифат и Гранадский эмират в значительной мере способствовали проникновению на Запад элементов исламской цивилизации, тем не менее они не стали составной частью средневековой Европы и оставались чужеродными вкраплениями на ее южных окраинах. Европейцы не смирились с их присутствием и в результате ожесточенной борьбы изгнали чужеземцев со своей территории.

Карфаген же существовал и раз-

Фото Люка Жубера

Легенда о финикийской принцессе

вывался на протяжении пяти-шести веков в тесном и постоянном контакте с коренным населением Северной Африки, народами Италии различного происхождения и уровня цивилизации, с иберами и кельтами. Уничтожение Карфагена — отнюдь не следствие многовековой религиозной распри, а сугубо политическое событие, в котором расовые или религиозные предрассудки не играли никакой роли.

В противоположность тому, что произошло в Испании в XVI веке, уничтожение Карфагена не сопровождалось систематическим искоренением его культуры: пуническая цивилизация медленно отмирала, постепенно растворялась в римской.

Создатели Карфагена явно не предназначали ему какой-либо особой роли. Эта роль определилась в результате почти шестивекового исторического развития, в ходе которого сама основа существования города несколько раз претерпевала коренные преобразования.

В ранний период, о котором мало что известно, Карфаген был просто одним из многочисленных финикийских торговых пунктов, разбросанных вдоль «пути за оловом». Изобретение бронзы — сплава меди и олова — вынуждало людей второго тысячелетия до н. э. устанавливать и поддерживать торговые связи, удивительно протяженные для того времени, если учесть их ограниченные средства сообщения.

Медь можно было получить в довольно большом количестве в странах Западной Азии, которые вместе с Египтом были крупнейшими центрами средиземноморской цивилизации. Но олова в Восточном Средиземноморье практически не было. Его добывали в Западной и Северо-Западной Европе — в Испании, Британии и на Британских островах. В этих граничащих с Атлантикой районах возникла загадочная мегалитическая цивилизация, которая поддерживала торговые и даже культурные связи с народами Востока.

Главным местом торговых и культурных контактов была страна Гартесс (нынешняя Андалусия), рудные богатства которой привлекали внимание древних греков. Именно здесь встречались купцы, прибывавшие с северных берегов Европы и из района Эгейского моря, из Азии.

В конце второго тысячелетия до н. э. преобладающая роль в этой торговле, долгое время принадлежавшая Микенам, перешла к финикийцам. Они начали создавать небольшие торговые поселения в местах стоянок судов.

О датах создания основных таких поселений мы можем судить только по данным древних авторов.

Примечательно, что Гадес (нынешний Кадис), наиболее удаленный пункт торговли, считается и наиболее древним: его основание относят к 1200 году до н. э. Ближайшим его современником считают Утику на северном побережье Туниса в

устье реки Меджерда (1178 год до н. э.); Карфаген же возник значительно позже — в 814 году до н. э.

К сожалению, эти даты не нашли подтверждения в новейших археологических исследованиях. Если датировка предметов, обнаруживаемых в местах бывших греческих колоний, совпадает с упоминаемым в преданиях временем основания самих колоний, то этого никак нельзя сказать о финикийских городах: сохранившиеся предметы финикийской культуры имеют более позднее происхождение, чем даты основания поселений, упоминающиеся в хрониках.

Например, самая древняя керамика, найденная в святилищах и гробницах Карфагена, относится ведущими специалистами примерно к 750 году до н. э., то есть она более чем на 60 лет «моложе» даты основания, упоминаемой писателями античности, которые связывают возникновение города с появлением в Африке Дидоны — финикийской принцессы Элисы, предполагаемой основательницы Карфагена. Что касается Гадеса и Утики, то разрыв еще более разителен и достигает трех-четырёх столетий.

Это различие в данных породило острую проблему, ставшую предметом нескончаемых дискуссий, удовлетворительное решение которой еще не найдено. Допустить, что античные тексты ошибаются, или же вести более тщательные археологические исследования? Быть может, надо перепроверить датировку найденных предметов? Следует признать, что вопрос пока остается открытым.

Отрывочная информация дошла до нас в литературных источниках, но ценность ее весьма сомнительна, ибо в ней переплелись древние религиозные мифы, вымысел античных авторов и, возможно, немногие подлинные исторические факты. Судя по этим литературным источникам, не одни только экономические интересы послужили поводом для основания Карфагена, как это бывало в других случаях: он, якобы, был создан принцессой, бежавшей от гнева царственного брата, в качестве прибежища для политических эмигрантов, покинувших родину без надежды на возвращение.

Но в том же «Мифе о Дидоне» говорится, что материальные возможности колонистов совсем не соответствовали масштабам их претензий. По-видимому, пришлось немало потрудиться, пока ливийцы уступили достаточную территорию для создания «Нового города» (его финикийское название «Карт-Хадашт» — «новый город» — превратилось у римлян в «Картаго»), и то при условии уплаты дани.

Действительно, немногочисленные археологические находки в святилищах и захоронениях Карфагена VII—VIII веков до н. э. показывают, что вряд ли он был способен выступать как суверенное государство, не говоря уже о том, чтобы играть роль имперского центра.

Экономика Карфагена оставалась зависимой от метрополии, хотя найденные при раскопках ювелирные изделия и тонкая резьба по слоновой кости указывают на сравнительно высокий уровень жизни. Следует отметить, что удобное местоположение Карфагена создавало ему более благоприятные условия для развития в сравнении с другими финикийскими колониями. Обычно они основывались на небольших прибрежных островах или скалистых береговых мысах, что гарантировало безопасность, но не обеспечивало условий для развития местного хозяйства, в силу чего жизнь в таких поселениях почти полностью зависела от моря.

Карфаген же был построен на восточном берегу полуострова, «макушка» которого занимала около 20 кв. километров территории, где раскинулись небольшие, плодородные и хорошо увлажненные долины по обеим сторонам ломаной цепи холмов. Чтобы защитить этот небольшой, располагавшийся всем необходимым для жизни мирок, достаточно было установить контроль над нешироким песчаным перешейком между озером Тунис и Арианской лагуной, который связывал его с материком.

Хотя точная дата остается неизвестной, карфагеняне, по-видимому, достаточно быстро установили контроль над перешейком и тем самым обрели свободу действий как в отношении местного населения, так и метрополии.

Этим можно объяснить, почему Карфаген оказался в состоянии занять место Тира, когда тот, ослабленный непрекращающимися войнами с правителями Ассирии и Вавилона, уже не в силах был оказывать эффективную помощь западным финикийцам против усиливавшейся конкуренции греков, которая все больше давала себя знать.

В свое время Тир воспользовался падением могущества Микен, рухнувших под ударами вторгшихся дорийцев (примерно в 1200 году до н. э.), чтобы создать свою морскую державу. Но эллинские поэты на протяжении многих веков продолжали воспевать морские подвиги своих героев.

Примерно в 800 году до н. э. ахейцы, эвбийцы, родосцы, а вслед за ними коринфяне и ионийцы отправились по путям, проложенным до них Одиссеем и аргонавтами. Вначале они селились на берегах, разведанных ранее финикийцами, но не освоенных ими: на побережье Киренаики, Южной Италии и прежде всего Сицилии.

Столь широкая эмиграция привела вскоре к нехватке земель для поселений, и новые потоки колонистов вынуждены были двигаться все дальше и дальше — к берегам галлов, где в 800 году до н. э. была основана Массалия (Марсель), в Каталонию, к южным берегам Испании, поближе к стране Гартесс с ее несметными рудными богатствами. Во всех местах соприкосновения

Фото Музея Рабата

Бронзовый бюст крупнейшего карфагенского военачальника и государственного деятеля Ганнибала [247—183 годы до н. э.] был найден в 1944 году среди руин римского города Волюбилиса в Марокко. Портретные изображения Ганнибала дошли до нас на монетах, чеканившихся между 221 и 219 годами до н. э., и в виде двух мраморных бюстов. Когда в 218 году до н. э. разразилась вторая пуническая война, Ганнибал с армией пересек Альпы и вторгся на Апеннинский полуостров. Одержав ряд блестящих побед в Италии, Ганнибал был отозван в Карфаген, где вскоре его войска были разбиты легионами Сципиона в битве при Заме [202 год до н. э.].

владений греков и финикийцев — в районе залива Большой Сирт, на западе Сицилии, на Корсике, в Иберийском Леванте — постоянно ощущались значительные трения, приводившие к локальным, но частым столкновениям.

Чтобы уберечь свои владения, западные финикийцы должны были объединиться, укрепить военную мощь и искать союзников среди народов, которым, как и им, угрожала эллинская экспансия. Все это потребовало полного пересмотра традиционной торговой политики, которая велась преимущественно на мирной основе, если не считать эпизодических пиратских набегов. Преобразования были осуществлены под руководством первого из карфагенских политических деятелей, о котором история сохранила некоторые сведения. — это был Магон, правивший в 550—530 годах до н. э.

Магон создал армию, состоявшую в основном из наемников; из карфагенян, которых было мало, комплектовались лишь отборные отряды и офицерские кадры. Армию поддерживал большой, хорошо оснащенный и обученный флот. Затем Магон стал прибирать к рукам морские базы, в первую очередь те, что могли быть поставлены в полную зависимость от Карфагена в политическом и военном отношениях. Одной из таких баз была Ивиса (остров одноименного названия в группе Балеарских островов), основанная, по преданиям, в 654 году до н. э. Магон создавал и новые базы, в том числе Мотию на западной оконечности Сицилии, и особенно на острове Сардиния, где финикийские колонисты поселились еще в IX веке до н. э.

Магон укрепил дипломатические связи с этрусками. Этот народ, пришедший, по-видимому, из Малой Азии, во всяком случае подвергшийся сильному влиянию восточных традиций, страдал от частых набегов греков. Первым результатом сотрудничества между этрусками и карфагенянами было то, что Фокея, греческая колония в Малой Азии, потеряла точку опоры на Корсике.

Преобразования Магона нашли отражение во внутренней политике и в сфере культуры. О характере правления в Карфагене того периода у нас мало сведений. Глава государства обладал, по-видимому, главным образом религиозной властью. Но для народа, в жизни которого религия играла очень важную роль, такая власть была весьма значительной. Верховному правителю приходилось, однако, считаться с аристократией, и, когда между сторонами возникали трения, для решения спора созывалась ассамблея граждан. Когда же правитель Карфагена к положению духовного вождя присоединил и звание военачальника, власть его возросла еще больше. Царский титул практически оставался достоянием членов одной семьи, причем в течение этого периода не было ни одного случая насильственного смещения правителей. Искусно играя на национализме и религиозном фанатизме карфагенян, Магон и его преемники сумели окружить царскую власть мистическим ореолом.

Карфаген унаследовал от Тира религию, представлявшую собой

смесь варварских, жестоких обрядов, имевших целью обеспечить изобилие даров природы, и изощренного мистицизма жреческой касты. Жрецы из различных городов и храмов создавали свои религиозные школы, по-разному толкуя иерархию божеств сложного карфагенского пантеона. Тирские жрецы, например, превыше всего чтили покровителя своего города Мелькарта — отважного богатыря-героя, в котором греки видели двойника Геракла. Другие секты поклонялись верховному боже-ству Эль — владыке и отцу всех богов. Большинство жрецов Карфагена, по-видимому, тяготели к последнему варианту.

И хотя на родине Дидоны поклонялись Мелькарту — в Карфагене предпочтение отдавалось боже-ству Эль. По распространенному среди народов семитского происхождения обычаю настоящее имя боже-ства, также наделенное священной силой, никогда не произносилось вслух. Его называли Ваал Хаммон, что означа-ет, по мнению французского ученого Ж. Феврие, «владыка пламени».

Именно этому боже-ству посвяща-лись обряды жертвоприношений, создавшие Карфагену мрачную славу. Это в честь Ваал Хаммона бросали в пламя жертвенного костра у под-ножия его статуи маленьких детей, которых, возможно, предварительно умерщвляли, перерезав горло. Но че-ловеческие жертвоприношения из-вестны у всех древних народов, в том числе у греков и римлян. Это не удивительно: ведь чем значительнее жертва, тем больше вероятность заручиться благоволением боже-ства. Кроме того, у многих народов суще-ствовал обычай, согласно которому царя — а в нем видели посредника между миром людей и миром бо-гов — лишали жизни, когда его ду-ховная сила начинала изменять ему. Такая жертва должна была, по мне-нию древних, обеспечить переход духовной силы царя к его преемни-ку. Так что не одни финикийцы, и карфагеняне в частности, приносили человеческие жертвы. Но в Карфа-гене подобная практика сохранялась очень долго, а у других народов, кро-ме галлов, которые держались ста-рых обычаев до тех пор, пока не утратили независимость, случаи че-ловеческих жертвоприношений ста-новились реже и практически пре-кратились. Кроме того, вместо взрослых часто приносили в жертву их детей.

Пепел жертв хоронили в специ-ально предназначенном месте, из-вестном под названием «тофет», а в память о жертвоприношении над прахом устанавливался каменный монумент. Выявление таких захоро-нений на бывшей территории соб-ственно Карфагена (ныне портовый район Туниса Саламбо), а также в других пунических городах в Афри-ке и на Сардинии не оставляет ни-каких сомнений в том, что сожжение людей действительно имело место вплоть до падения Карфагена, хотя в последний период его истории жре-цы иногда заменяли человеческую жертву жертвоприношением ягненка.

Во времена правления Магонидов (от середины VI до начала IV века до н. э.) культ Ваал Хаммона достиг

Стр. 21

РИМСКИЕ ТЕРМЫ. Руины роскошных терм (бани), построен-ных римским императором Антонином Пием в середине II ве-ка н. э., свидетельствуют о процветании Карфагена, ставшего столицей римских владений в Африке. В IV веке термы были реконструированы, но подверглись сильному разрушению в V веке н. э. во время нашествия вандалов. По совместному проекту Программы развития ООН и ЮНЕСКО термы будут реставрированы и сохранены как архитектурный памятник.

Фото Мишеля Дежардена — «Ревюитэ», Париж

Стр. 22

МОЛИТВЫ В КАМНЕ. Неопунические стелы, воздвигнутые в Карфагене в память о принесенных в жертву Сатурну живот-ных. После победы римляни Сатурни вытеснил карфагенские боже-ства Ваал Хаммона и Танит, безраздельно властвовавшие в духовной жизни карфагенян в течение восьми веков.

Фото Мишеля Дежардена — «Ревюитэ», Париж

Стр. 23

ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ. Три сосуда для благоволий (VI век до н. э.) были доставлены в Карфаген из греческого города Коринфа. Верхние два сосуда украшены изображением лебеда и сирены, третий — изображением птиц.

Музей Бардо, Тунис
Фото Люка Жубера

Стр. 24—25

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ. Три пунические тер-ракотовые маски. Слева — маска демона (IV век до н. э.), напоминающая театраль-ные маски Спарты того же периода. Такие маски укреплялись у входа в храм или на урне с прахом, по-видимому, для того, что-бы отгонять злых духов. В центре и спра-ва — маски соответственно VI и V веков до н. э., найденные в древнейшем из обна-руженных карфагенских захоронений. Спо-койное выражение их черт резко контраст-ирует с маской, показанной слева. Они да-ют

представление об идеале женской красоты того времени; не исключено, что маски являются изображением богинь. Египтяне и микенцы клали маски на лица усопших, карфагеняне помещали их на саркофагах или под ними.

Фото Люка Жубера

Стр. 26

ШЕДЕВР ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА. Ручка бронзовой вазы, найденная на месте поселения карфагенян IV века до н. э. Ана-логичные предметы карфагенского происхождения обнаружены в Сицилии и Италии.

Фото Люка Жубера

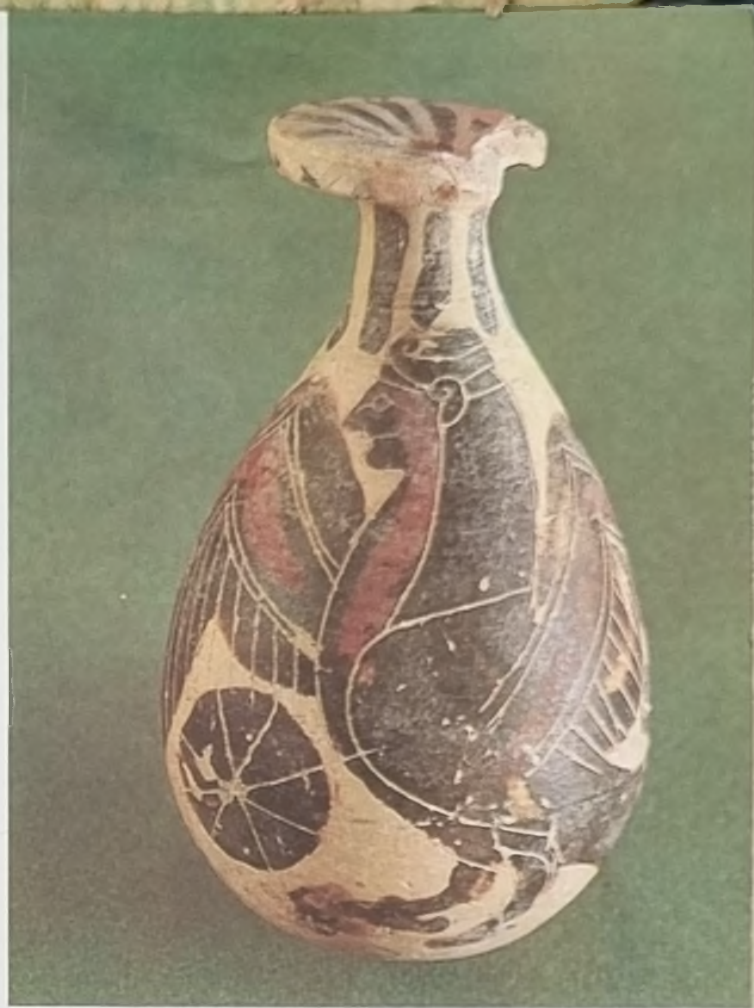
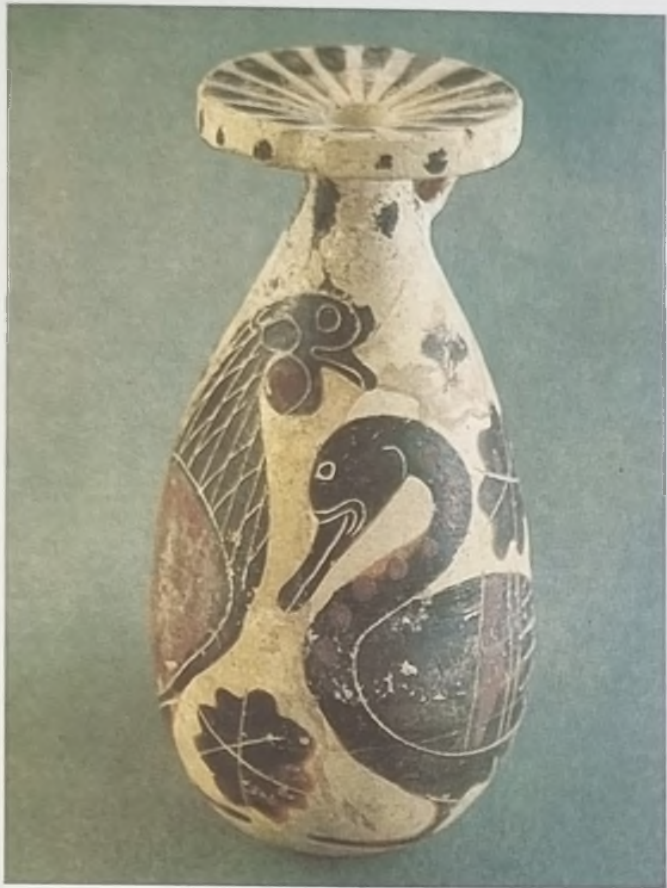
Стр. 27

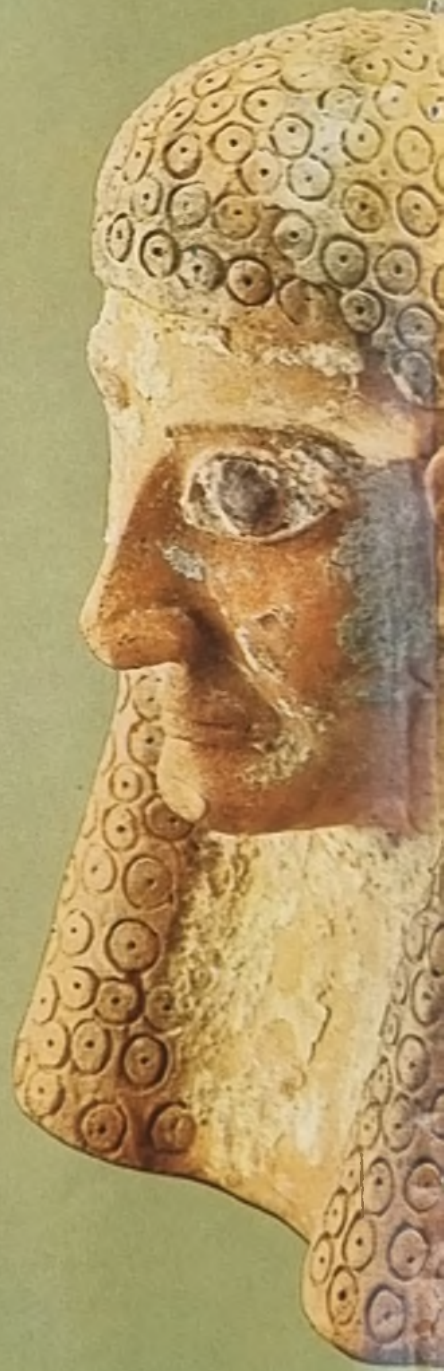
ИСКУШЕНИЕ ОДИССЕЯ. Фрагмент римской мозаики III века н. э., обнаруженный в тунисском городе Дугга. На фрагменте запечатлена известная сцена из «Одиссеи» Гомера: Одиссей, приказав своим спутни-кам залепить уши воском, а себя самого привязать к мачте, слушает завораживающее пение сирен. Ис-кусство мозаики достигло удивительных высот в Ри-ме и его африканских колониях. Сюжетами мозаич-ных панно были не только религиозные, но и свет-ские мотивы. В 1962 году ЮНЕСКО выпустила аль-бом «Тунисская мозаика», где воспроизведены най-денные образцы мозаичного искусства Карфагена.

Национальный музей Карфагена. Фото ЮНЕСКО

КАРФАГЕН

глазами греков и римлян

Мхамед Фантар

Ф

илон Библский, греческий историк II века н. э., приводит в своем труде легенду о первом финикийце-мореплавателе.

Человек по имени Усос был застигнут в лесу пожаром. Пламя с трех сторон окружило его, преградив путь к спасению. Тогда Усос обрубил ветви с древесного ствола, столкнул его с берега в море и, оседлав ствол, отплыл, тем самым спасшись от пожара. Это было первое плавание финикийца в средиземноморских водах.

«Илиада», «Одиссея», Тора, таблички Угарита и многие другие столь же известные памятники письменности донесли до нас свидетельства о финикийских мореплавателях, о их замечательных путешествиях, об огромных богатствах, приобретенных в результате торговых экспедиций в различные страны, особенно в страну Тартесс, которая находилась, видимо, в Южной Испании.

Эта страна, известная обилием месторождений меди, серебра, свинца и олова, стала целью морских экспедиций, предпринимавшихся финикийскими городами Тиром и Сидоном. Рассказывая о богатствах недр

страны Тартесс, греческий историк Диодор Сицилийский сообщает: «В стране иберов находятся самые богатые серебряные рудники из тех, что известны ныне. Иберы не знали цены серебра, и потому финикийские купцы могли приобретать его за малое количество товаров; они перепродавали его в Греции, Азии и других странах и так накопили великие богатства. Такую торговлю они вели многие годы, и это позволило им приобрести могущество и основать многочисленные колонии в Сицилии и на соседних островах, в Ливии, Сардинии и Иберии».

Совершая путешествия в западном направлении, к Тартессу, финикийцы хорошо узнали побережье Северной Африки. Вскоре они создали в различных его местах ряд небольших торговых колоний, куда могли заходить корабли, чтобы дать отдых экипажу и пополнить припасы. Карфаген и был одним из таких форпостов финикийцев на пути к Западу, но, несомненно, крупнейшим и самым важным из них. До наших дней дошла записанная древними авторами легенда о возникновении Карфагена, в которой сделана попытка объяснить причины основания города и связанные с этим события.

Согласно этой легенде, Карфаген был основан Элиссой, сестрой царя Тира Пигмалиона. Предшествовали этому следующие события: после воцарения в Тире Пигмалиона Элисса вышла замуж за Акербу, жреца Мелькарта. У него были огромные богатства, и Пигмалион, снедаемый завистью, убил Акербу и присвоил богатства. Пораженная горем Элисса решила бежать из Тира. Но сначала надо было усыпить подозрения брата. Элиссе это удалось, и в конце концов она в сопровождении нескольких знатных тирийцев отправилась на

ТРОФЕЙ ГАННИБАЛА! Этот бронзовый нагрудник-кираса был привезен в Карфаген кем-то из воинов Ганнибала в конце III века до н. э. Типичное изделие кампанийских оружейников украшено изображением головы Минервы — римского аналога греческой богини Афины Паллады. Нагрудник найден в деревянном саркофаге неподалеку от Суэса в Тунисе.

Музей Бардо, Тунис
Фото Люка Жубера

МХАМЕД ФАНТАР (Тунис) — специалист по пунической археологии и эпиграфике, генеральный секретарь Научно-исследовательской историко-археологической комиссии при Национальном институте археологии и искусства, профессор археологии на факультете литературы и социальных наук Тунисского университета. Автор многих научных работ по проблемам археологии Туниса.

Преемник славного Тира

Кипр, где ее встретил верховный жрец Юпитера. Затем Элисса и ее сторонники отплыли в Африку и высадились в месте, где впоследствии возник Карфаген.

Конечно, этот рассказ трудно считать полностью достоверным, но изложенные в нем факты в известной мере «вписываются» в общую картину финикийского мира и, следовательно, проливают некоторый свет на историю Карфагена и его цивилизации.

Датой основания Карфагена чаще всего считают 814 год до н. э. Однако некоторым историкам эта дата представляется слишком ранней: предметы, найденные до сих пор при археологических раскопках в Карфагене, не древнее VII века до н. э. Это значительно расходится с данными античных авторов.

Но можно ли с уверенностью сказать, что раскопки достигли действительно древнейших культурных слоев города? Кто знает, какие неожиданности встретят нас при дальнейших изысканиях! Вполне возможно, что будут обнаружены предметы более древние, чем терракотовые вазы, найденные на месте бывшего небольшого святилища. По стилю своему они принадлежат к произведениям искусства Циклад (группа островов в Эгейском море) и не могут быть древнее 750 года до н. э.

Археологу, как мы знаем, нужно быть терпеливым, скрупулезным, осторожным. Историк, со своей стороны, не должен считать всякую установленную традицией дату непогрешимой, но ему незачем и безосновательно отвергать ее. Данные археологии часто подтверждают свидетельства древних. Что же касается Карфагена, то можно сказать, что согласование данных археологических находок и литературной традиции вполне возможно.

В 814 году до н. э. финикийцы основали на этом месте, вероятно, одну из тех своих небольших торговых факторий, которые во множестве усеивали оба побережья Средиземного моря. Здесь они пополняли запасы товаров и вели торговлю с местным населением. Но главной целью финикийцев в то время были рудные богатства Тартесса.

В VIII веке до н. э. мореходам из Тира угрожали две опасности. Это была эпоха колонизации Западного Средиземноморья греками. В 750 году до н. э. греки основали город Кумы в Неаполитанском заливе — перевалочный пункт для вывоза медной руды из Этрурии и Кампании. Спустя семнадцать лет греками были заложены и Сиракузы в Сицилии. Финикийцы, естественно, понимали, чем грозят им эти новые

греческие поселения, появившиеся неподалеку от традиционных путей их морской торговли. Поэтому нужно было что-то предпринять для того, чтобы сдержать и ограничить экспансию греков.

Вторая опасность для финикийских торговцев исходила от Ассирии. Богатства финикийских городов в Восточном Средиземноморье пробудили алчность и зависть ассирийских правителей. В надписи царя Ашшурнасирпала II (883—859 годы до н. э.) говорится о «дани, присланной царями стран морского побережья — страны Тира, страны Сидона... людьми города Арвада, что лежит среди моря... серебре, золоте, свинце, бронзе, бронзовых вазах, разноцветных одеждах, льняных туниках... Я принял их дань, и они целовали мои ноги...»

Алчность ассирийцев была поистине ненасытной, и финикийцы жили в постоянном страхе, что накопленные ими богатства перейдут в руки этих сильных и беззастенчивых грабителей. Поэтому колонии в Западном Средиземноморье представлялись финикийцам, с одной стороны, средством борьбы с экспансией греков и, с другой, — убежищем от притязаний ассирийцев. Такими соображениями, возможно, и объяснялось быстрое возвышение «Нового города» в середине VIII века до н. э.

Посмотрим же, что нам известно об этом городе, познакомимся с источниками, проливающими свет на его историю и культуру.

Во-первых, что можно узнать из трудов античных авторов? Греки и римляне были хорошо знакомы с Карфагеном и карфагенянами. Они бились с ними на полях сражений и соперничали в торговле в портах Средиземноморья, видевших подъем и упадок многих цивилизаций. Перечислять здесь всех классических авторов, упоминающих в своих трудах о Карфагене, было бы слишком долго, но высказывания некоторых из них следует привести.

Вот, например, известный отрывок из «Истории в девяти книгах» Геродота, в котором описываются «методы торговли» карфагенян, искавших золото на побережье Африки:

«Карфагеняне выгружают свои товары из кораблей, раскладывают их рядом на морском берегу, потом возвращаются на свои суда и разводят дым. Заметивши дым, туземцы подходят к морю, за товары оставляют золото и удаляются обратно. Карфагеняне выходят на сушу и рассматривают, достаточно ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забирают и отплывают; если же не достаточно, то снова всходят на корабли и там выжидают; туземцы опять появляются, прибавляют золота столько, чтобы удовлетворить карфагенян. По словам карфагенян, никогда одна сторона не обижает другой: карфаге-

Национальный музей Карфагена. Фото Люка Жубера

Тонкий чеканный орнамент священной бритвы с ручкой в виде шеи и головы птицы свидетельствует о влиянии Египта на пуническое искусство. Карфагеняне унаследовали от своих финикийских предков мастерство обработки металлов, и многие надписи подтверждают, что профессии чеканщика и ювелира пользовались почетом в Карфагене. Священную бритву — талисман вечности — клали в гробницу вместе с ожерельями и подвесками в форме миниатюрных масок.

няне никогда не прикасаются к золоту прежде, чем по стоимости оно не сравняется с товаром; точно так же туземцы уносят с собою товары только тогда, когда золото взято карфагенянами».

Другой греческий историк, Полибий из Мегалополя, писал о Карфагене весьма много. Он собственными глазами видел разрушение «города Элиссы» армией Сципиона Эмилиана и, как очевидец третьей пунической войны, особенно глубоко интересовался историей отношений между Римом и Карфагеном. Между этими могущественными государствами Средиземноморья трижды подписывались договоры, и Полибий сообщает о датах этих событий и об условиях договоров. Тому же историку мы обязаны повествованием о «Ганнибаловой клятве», данной в период союза карфагенского полководца с Филиппом V Македонским.

Диодор Сицилийский — еще один историк, о трудах которого следует здесь упомянуть. Уроженец Сицилии, он посвятил много страниц рассказу о войнах между греками и карфагенянами за обладание этим островом.

Его перу принадлежит описание человеческих жертвоприношений, которые были приняты у всех хананеев. Захваченные врасплох победоносным вторжением Агафокла (310 год до н. э.), «карфагеняне, — сообщает Диодор, писавший в I веке до н. э., — поспешили исправить свои ошибки и объявили публичное жертвоприношение двухсот детей из знатных фамилий. Некоторые из подвергшихся обвинениям граждан добровольно предложили в жертву собственных детей, которых, таким образом, набралось не менее трехсот».

Среди римских историков в интересующей нас связи надо отметить прежде всего троих: Тита Ливия, оставившего яркое описание второй пунической войны и прекрасный литературный портрет Ганнибала; Саллюстия, который в своем труде «Югуртинская война» рассказал о финикийцах и карфагенянах; Юстина (пересказанное им предание о приключении тирийской принцессы Элиссы мы уже приводили выше).

В греческой и латинской литературе упоминания о Карфагене весьма часты. Но классические авторы основное свое внимание уделяли, конечно, не карфагенской истории; они обращались к ней в той мере, в какой это было необходимо для характеристики описываемых ими событий: войн греков и римлян против Карфагена.

Поэтому изображение Карфагена в классических источниках — это портрет, рисуемый врагами. К тому, что сообщают нам эти авторы, следует подходить с величайшей осторожностью. Конечно, это не значит, что мы должны подвергать сомнению любое их высказывание, но тем не менее факт остается фактом: объективность историка — понятие в

высшей степени современно, и ожидать се от древних не приходится. Они далеко не достаточно понимали некоторые особенности пунической цивилизации, и нескритическое отношение к их произведениям может создать у нас искаженное представление о ней.

Если бы мы имели в своем распоряжении произведения самих финикийцев, это было бы идеальным решением вопроса. К сожалению, однако, большая часть пунической литературы утрачена. Библиотека Карфагена пользовалась в древнем мире большой известностью, о ней часто упоминается в трудах классиков; некоторые из них, например Саллюстий, Сервий и Фест Авений, ссылались в своих работах на пунические книги и хроники.

Как сообщает Плиний Старший, библиотека Карфагена после захвата города римлянами была передана нумидийским князьям и исчезла бесследно. Сохранились лишь фрагменты некоторых весьма известных пунических произведений, например труд карфагенского знатока сельского хозяйства Магона. «Наш сенат, — сообщает Плиний, — оказал ему великую честь. После падения Карфагена библиотека города была передана в дар африканским князьям; но сенат распорядился, чтобы 28 книг сочинения Магона были переведены на латинский язык, хотя к этому времени Катон уже создал подобный трактат. Это дело было доверено людям, хорошо знающим язык пунийцев, и главным переводчиком был Д. Силан, человек знатного происхождения».

Исчезновение пунических манускриптов во многом объясняется, вероятно, губительным действием климатических условий Северной Африки: высокая влажность воздуха в Тунисе отнюдь не способствовала сохранению папирусных рукописей.

Но существует источник семитского происхождения, помогающий нам проследить зарождение некоторых элементов пунической цивилизации: это Тора, священная книга древних евреев. Карфаген был преемником Тира, а Тир в свою очередь оказывал, вероятно, значительное влияние на историю и развитие цивилизации древнего Израиля.

В Книге царств Библии рассказывается о Хираме, царе Тирском, и Соломоне, сыне Давида, царя Израиля. В главе V читаем:

«И послал Хирам, царь Тирский, слуг своих к Соломону, когда услышал, что его помазали в царя на место отца его; ибо Хирам был другом Давида во всю жизнь.

И послал также и Соломон к Хираму сказать: ты знаешь, что Давид, отец мой, не мог построить дом имени господу богу своего по причине войн с окрестными народами, доколе господь не покорил их под стопы ног его. Ныне же господь бог мой даровал мне покой отовсюду; нет противника, и нет более препон. И вот, я намерен построить дом имени господа бога моего... итак, прикажи нарубить для меня кедров с Ливана...»

В Библии упоминания о финикийцах встречаются достаточно ча-

БОГИ НА ПЕРСТНЯХ

Два кольца из музея Бардо в Тунисе свидетельствуют о тонком вкусе и мастерстве карфагенских золотых дел мастеров. Вверху: изображение (в явно египетском стиле) божества с систром в одной руке и цветком лотоса в другой (III век до н. э.). Внизу: карфагенский Гермес. Имя и у греков, он был богом красноречия и торговли. На многих карфагенских стелах сохранились его геральдические знамя.

Фото Люка Жубера

Где же пунический Карфаген?

Из книги Жана Мазеля «Финикийцы»

Финикийское письмо XII—X века до н. э.	Пуническое письмо VII—V века до н. э.	Греческое письмо	Латинское письмо
К	𐤀	Α	A
Г	𐤁	Β	B
Γ	𐤂	Γ	Г
Δ	𐤃	Δ	D
Э	𐤄	Ε	E
У	𐤅	Ϝ	V
Л	𐤆	Λ	L
Ц	𐤇	Μ	M
Н	𐤈	Ν	N
О	𐤉	Ο	O
Р	𐤊	Ρ	P
Ф	𐤋	Φ	Q
Р	𐤌	Ρ	R
У	𐤍	Σ	S
Т	𐤎	Τ	T

РЕВОЛЮЦИЯ В ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Финикийцам мы обязаны одним из величайших достижений цивилизации — изобретением алфавита. Тридцать три века назад они создали алфавит из 22 знаков, послуживший основой для письменности многих других народов. На примере 15 знаков в таблице показана эволюция буквенных обозначений. Во второй колонке видны незначительные изменения знаков алфавита в пунической письменности (пунический язык — финикийский диалект, которым пользовались карфагеняне), в третьей колонке показана дальнейшая модификация знаков в греческом алфавите, в четвертой — в латинском.

сто, и это, несомненно, помогает нам ближе познакомиться с пуническим миром.

И все-таки литературные источники не дают исчерпывающего ответа на все вопросы, связанные с Карфагеном. Мы вынуждены искать ответы во всех возможных направлениях и потому обращаемся, естественно, к открытиям археологов.

В конце третьей пунической войны римский сенат повелел разрушить Карфаген, и приказ этот был выполнен армией Сципиона Эмилиана в 146 году до н. э. Разграбив и разрушив город, римские воины запахали соль в землю Карфагена, чтобы навсегда лишить ее плодородия.

Но еще большим бедствием (с точки зрения археолога) было позднейшее решение сената о постройке нового города на месте Карфагена. Первая попытка в этом направлении была предпринята во II веке до н. э., когда сенат принял *Lex rubria* — закон об основании «колонии Юнония Картаго», в которой должны были поселиться 6000 колонистов. Первый шаг оказался неудачным — уже через год *Lex minucia* отменил предыдущий закон, поскольку ряд неблагоприятных обстоятельств заставил отложить осуществление проекта.

Однако во времена цезарей, в частности при Августе, на месте древней колонии Тира был закончен постройкой римский город. Для археологов, которые позднее начали исследовать памятники материальной культуры пунической цивилизации, это было настоящим несчастьем. Строители довершили дело разрушителей: землекопы, планировщики, архитекторы — все приложили свою руку к окончательному уничтожению последних остатков великого города. Руины пунических сооружений стали карьером, где добывали строительный материал для первых римских зданий, которые в свою очередь погибли в огне пожара, снова поразившего Карфаген во II веке.

Сохранились лишь немногие фрагменты... Во время раскопок виллы эпохи позднего Рима, стоявшей на дороге от моря к Мальге, была открыта великолепная пуническая надпись, к сожалению неполная. Около трети ее утрачено, что затрудняет чтение и понимание текста. Но исключительная ценность находки этим все-таки не снижается...

Таковы трудности, с которыми приходится сталкиваться археологам при изучении следов пунической цивилизации. В 1857 году на месте, где когда-то находился Карфаген, побывал Флобер — он старался отыскать хотя бы остатки основных сооружений древнего города: двор-

цовых стен, храмов и т. д. Ему пришлось пережить жестокое разочарование — он не нашел ничего... После него в Карфаген один за другим приезжали многие археологи. Они открывали там замечательные памятники римской эпохи — но где же был пунический Карфаген?

7 апреля 1878 года Альфред Делатр открыл некрополь Карфагена. В захоронениях было обнаружено богатое погребальное убранство: керамика, драгоценности, амулеты, маски и т. д. В некоторых гробницах были найдены надписи. Однако историки с известным основанием указывают на недостаточность данных такого рода. Французский археолог Стефан Гжель пишет, например: «Мы не должны рассчитывать на то, что с помощью одной только керамики, найденной в этих захоронениях, нам удастся воссоздать экономическую историю Карфагена».

И тем не менее керамика представляет очень большую ценность — даже ее черепки, на которые не обращали внимания во времена таких историков XIX века, как Эрнест Ренан. По словам французского ориенталиста Жоржа Контено, «простые черепки, погребенные в руинах, часто раскрывают нам точную датировку памятников, вблизи которых они найдены».

Погребальные украшения карфагенян выражают, естественно, веру в загробную жизнь. В них, как и в захоронениях большинства древних народов, рядом с останками или пеплом находят керамические изделия, кувшины, блюда, чаши, светильники, драгоценные камни, серьги, кольца, пряжки и т. д. В женских захоронениях часто встречаются ожерелья и бронзовые зеркала (к сожалению, без орнаментации).

В Саламбо и вблизи Амилькара обнаружены остатки двух небольших святилищ. Весьма неприятные сами по себе, они в сочетании с другими материалами (стелы, урны и т. д.) дают нам некоторое представление о религии карфагенян.

Еще в меньшей степени известна нам архитектура обычных жилых зданий Карфагена. Некоторые древние авторы сообщают о том, что дома в городе имели по несколько этажей. Недавние раскопки на холме Вирса и на морском побережье у Гаммарта обнаружили остатки карфагенских жилых зданий, похожих на сооружения, найденные в Керкуане, известном пуническом поселении на мысе Бон.

Так с помощью литературных, археологических и эпиграфических данных историки пытаются воссоздать прошлое Карфагена.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

У карфагенян число «семь» имело магическое значение, что подтверждается, например, декоративной табличкой (4 кв. см.), обнаруженной в захоронении IV—III веков до н. э. Сделанная из известковой пасты и покрытая зеленой эмалью, табличка поделена на 49 клеток, в которых семь раз в каждом ряду повторяются декоративные мотивы. Это (сверху вниз): Пта (египетский бог ремесленников, воспринятый карфагенянами); рыба; Бэс (египетский бог развлечений в головном уборе из перьев, также воспринятый карфагенянами); водяная лилия, лягушка, антилопа, крокодил. Вера в магические свойства семерки присуща религиозным учениям и верованиям многих древних народов. Табличка, как и карфагенские маски, была, по-видимому, талисманом, охранявшим покой мертвых. Сейчас эта уникальная реликвия хранится в Карфагенском музее.

ТАИНСТВЕННАЯ ТАНИТ

Внизу: святилище Танит (V—IV века до н. э.) в портовом районе Карфагена — Саламбо. Главное женское божество карфагенян — Танит — называли иногда именем «Ум» [мать]. Происхождение культа этой богини остается загадочным. Танит не принадлежала к числу божеств финикийского пантеона; возможно, что карфагеняне заимствовали ее у какого-то другого народа, например у обитателей Африки. Танит стала богиней-матерью пунийцев: ее называли «Та, что дает жизнь». На первом плане снимка (внизу) видна своеобразная «модель» храма Танит, его символическое изображение — в камне вырублены ступени, ведущие к алтарю. На стеле, установленной сразу позади камня, высечен символический «знак Танит» — эту богиню всегда изображали абстрактными символами (см. стр. 5 и 48). Внизу справа: другое женское божество карфагенян — страж святилища Танит (I век до н. э.). У этого божества — голова львицы, в одежке его имитирует птичье оперение.

Фото Жюль Виллема — Рафо, Париж

Фото Лена Жубера

На аэрофотоснимке запечатлена Медина — «старый город» Туниса, его историческое сердце; видны узкие улочки-артерии, религиозные памятники, дворцы и базары.

Фото Андре Мартана

ТУНИС — ЖЕМЧУЖИНА АРАБСКОГО ВОСТОКА

Жорж Фрадье

Двадцать восемь веков цивилизации, свидетельства которой слой за слоем откладывались на площади в 90 кв. километров; место исследований — Карфаген; город — Тунис.

Карфаген! Это имя пленяло великих писателей от Вергилия до Флобера. Звучание его воскрешает в памяти мимолетные, но яркие образы: гениальный Ганнибал, его нумидийцы из Северной Африки, его галлы и слоны, его «бессмертные», но, увы, такие непрочные победы. А потом — римляне в Африке; и призывы Марка Порция Катона Старшего: «Карфаген должен быть разрушен!» И в 146 году до н. э. он действительно был разрушен: город сровняли с землей, а место, на котором он находился, предали проклятию.

Но экономическая необходимость куда сильнее проклятий завоевателей. И римская колония, основанная на месте прежнего Карфагена в 44 году до н. э., менее чем за сто лет превратилась в огромный, могущественный город с населением в 300 000 человек, который, как и его предшественник, вел торговлю маслом, вином, пурпуром и ввозил греческую скульптуру.

Вновь возникший Карфаген строился по римскому образцу: рисунок его улиц был геометрически правилен, в городе были водопровод, форум, жилые дома и виллы, цирк, театр, одيون, храмы и, наконец, термы — прославленные термы Антонина, самые роскошные за пределами Рима.

Это был центр притяжения для италийских купцов и их пунических контрагентов, ораторов и ученых, священнослужителей и военачальников римской колонии, позднее — вождей вандалов и их окружения, а еще позднее — византийских флотоводцев.

Именно поэтому Карфаген на протяжении целых 700 лет снова и снова

ЖОРЖ ФРАДЬЕ — директор проекта по развитию района Тунис — Карфаген, осуществляемого совместно ЮНЕСКО и Программой развития ООН. Сотрудник ЮНЕСКО с 1947 года, Жорж Фрадье возглавлял отдел печати ЮНЕСКО, руководил деятельностью миссии ЮНЕСКО в Мали. Автор ряда книг по проблемам, связанным с деятельностью ЮНЕСКО.

Рождение столицы на перекрестке караванных путей

обновлялся и перестраивался. Когда город, еще могущественный и полный величия, был захвачен в 698 году н. э. Хасаном ибн Номаном, Помпеи, столь давно почившие под покровом лавы и пепла, были уже забыты.

Карфаген не был укрыт, подобно Помпеям, вулканическим саваном, который уберег бы его до грядущего века просвещения и для археологов и любителей античности. Подобно Лондону, Триру, Лиону, Ниму, подобно самому Риму, Карфаген, по существу, превратился в каменоломню. Но в отличие от разрушителей древних памятников этих европейских городов люди, растаскивавшие камни Карфагена, ничего не возвели на месте его заброшенных храмов.

Хасан и те, кто пришел после него, использовали камень, добытый в Карфагене, для строительства во многих других местах — вплоть до Кайруана. Не год, не десяток лет, а целых тринадцать веков выламывали они колонны и капители для своих дворцов и мечетей, бросали обломки статуй в жерла печей для обжига извести, крышками саркофагов мостили улицы. Все это делалось не из злых побуждений — просто жизнь не может стоять на месте, каждый последующий этап цивилизации возникает на развалинах предыдущего. Те немногие памятники, которым удалось уцелеть и которые давали приют вражеским войскам, были уничтожены в 1270 году по приказу султана эль-Мостанейра после крестового похода, возглавленного Людовиком Святым.

Однако даже и теперь путешественник, бродя вдоль берега, не размытого еще морем, или по частично обезображенным холмам, среди пригородных вилл, окруженных крошечными садами, сталкивается с руинами древнего Карфагена. То здесь, то там высятся колонны, устремленные к небу; сквозь траву проглядывают мрамор и мозаика; поврежденные здания, кажется, пробиваются вверх, сквозь песок и камень; их стены, едва видимые из-под земли, смутно напоминают о когда-то правильной планировке древнего города.

Холм Бирса, на котором стояла крепость-святилище, последнее прибежище пунических богов и их защитников, еще не исследован археологами. Пространство, ожидающее раскопок, занимает более 370 гектаров.

Как забытая и вновь разгаданная письменность, древний Карфаген может быть открыт заново, возвращен к жизни, обретя новое значение и смысл. Но это значит, что люди, любящие Карфаген и заботящиеся о нем, должны обладать и решимостью и возможностями для того, чтобы воспрепятствовать строительству особняков на территории древнего города — пока еще не поздно, пока приток населения и строительный бум не погребли все под толстым слоем бетона. Административные и юридические меры необходимы в такой же степени, как и финансовые ресурсы. Но если будет узаконен статус древних памятников, то нужные средства, несомненно, найдутся.

Может показаться странным, что в статье, касающейся сохранения культурных ценностей, речь приходится вести одновременно и о древнем уничтоженном городе, и о быстро растущей, полной жизни столице. Но это именно так. Карфаген погиб, породив Тунис, но и самому Тунису грозит разрушением не уступающая в старых рамках жизнь. Только города, обойденные историей, избегают такой парадоксальной судьбы. Но Тунис — эта сама история в действии. Являясь административным, промышленным, торговым и туристским центром страны с населением в пять миллионов человек, город Тунис переживает период бурного развития, испытывая соответственно и болезни роста.

В 1925 году население Туниса составляло 186 000 человек, а в 1966 году — 470 000. Уже несколько лет назад градостроители, осуществляющие планировку города, поняли, что этот план должен включать не только собственное город, но и его пригороды, расположенные у моря. Четыре года назад население «Большого Туниса» составляло 800 000 человек; к концу нынешнего столетия оно возрастет до двух миллионов.

И все же эти цифры не раскрывают всей картины происходящих изменений. Хотя они и свидетельствуют о темпах роста, которые могут показаться грандиозными, они не выявляют те основные проблемы, которые возникают в результате роста города. В то же время даже краткий обзор его истории дает представление о них. Он дает нам представление о трудностях и требованиях, о связи бедности и развития, об опасности шаблонных решений, о возможностях, которые открываются при творческом подходе.

У подножия невысокого холма, на узкой полоске земли, зажатой между болотом и большим озером, расположенным у самого моря, лежала небольшая деревня, возникшая в незапамятные времена. Это место, где располагался местный базар и сходились караванные пути, было выбрано Хасаном и его преемниками для сооружения сначала мечети (Джама-Зейтуна — «Мечеть оливкового дерева»), а затем и города.

Отсюда, от «дома молитвы», растекались потом в разные стороны — на север, на юг, на запад и юго-запад — кирпич и камень: жилые кварталы, торговые ряды, палаты знатных вельмож, заезжие дворы, бассейны, колодцы, склады, мастерские, школы, гробницы, ограды садов. Два пригорода, защищенные валами, прикнули к стенам крепости, которая поднялась вскоре рядом с мечетью, служа убежищем для караванов и окрестных земледельцев.

Устремили ввысь свои купола и минареты (сначала четырехгранные, а позднее восьмигранные) и другие мечети. Живописными террасами, обращенными к морю и священным холмам, поднялись тесно льнувшие друг к другу жилые дома с открытыми от сторонних взоров внутренними дворами; римский план этих жилищ, приспособленный к вкусам и

обычаям мусульманского Египта, сохранился из века в век.

История столицы Туниса, узнаем мы с облегчением, — это не столько повествование о деяниях военачальников, духовных пророков, шейхов и беев, сколько поистине волшебная повесть об ее архитектуре. Это история медленного, постепенного роста своеобразного человеческого улья, история терпеливого и упорного создания множества ячеек, переплетенных и взаимосвязанных, подобно клеткам живого организма. Конечно, в этой истории было немало и междоусобиц, осад, стычек и столкновений — вполне достаточно, чтобы удовлетворить тех, кто ищет в исторических хрониках именно такие драматические события. Но тем не менее основное впечатление таково, что истинная история старого Туниса, его Медины (арабского города) на протяжении одиннадцати веков направлялась внутри городских стен руками строителей — совершенно независимо от красочных, но в сущности малозначительных внешних событий.

Правда, этому городу богословов, юристов, купцов и ремесленников, известному миролюбием его обитателей, не удалось полностью избежать насилия. Примерно в 1050 году произошло вторжение одного из племен бедуинов, которые, как свидетельствует историк Ибн Халдун, обрушились на город по приказу египетского халифа, словно стая прожорливой саранчи. Спустя три столетия сюда вторглись мериниды, другое кочевое племя — на этот раз из Алжира.

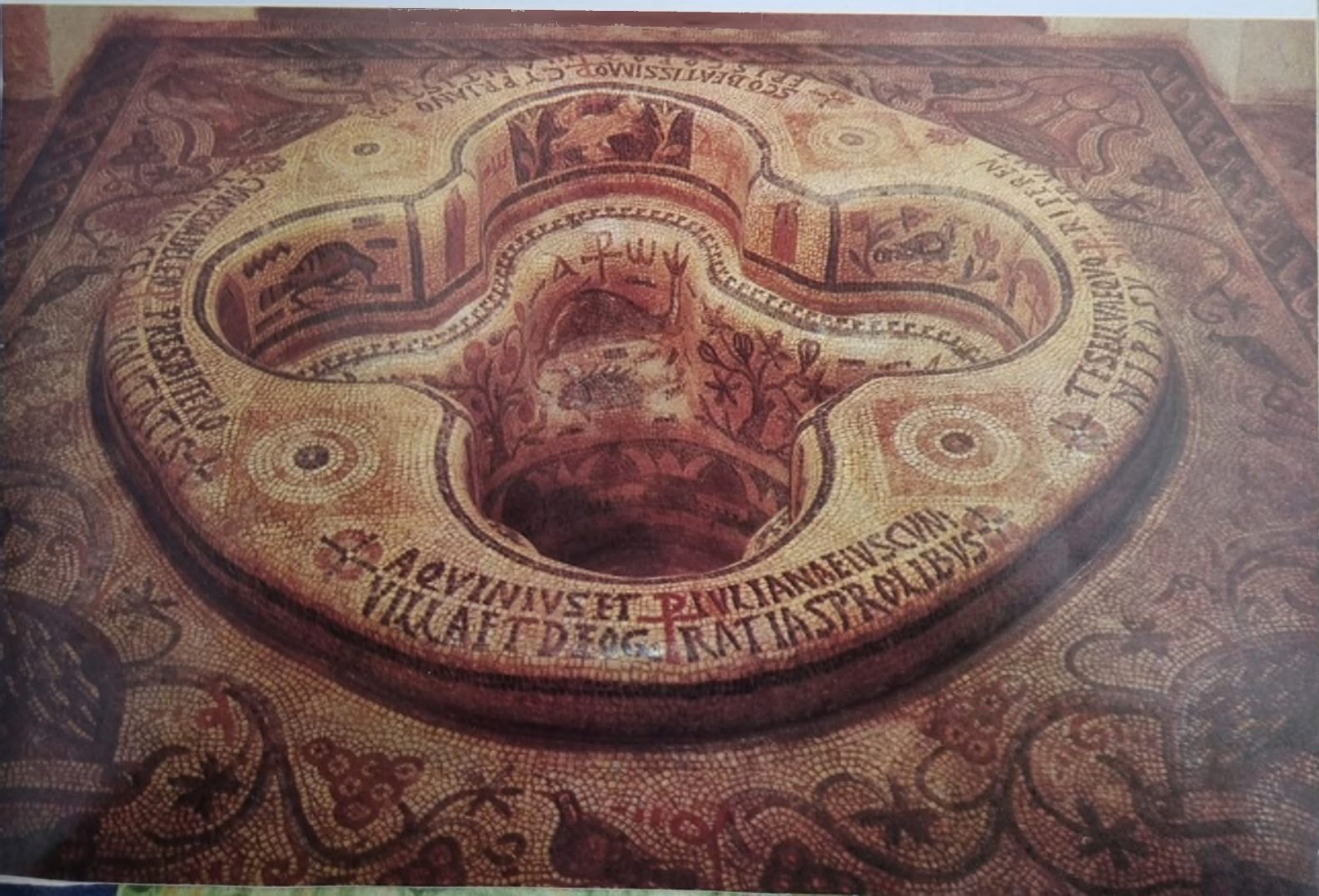
Затем в 1534 году пришли турецкие отряды Хайреддина Барбароссы, грабившие город, как и испанские солдаты Карла V еще год спустя. В конце

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТР. 39

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ СПОРТ

Сцены охоты — излюбленный мотив карфагенской мозаики римского периода. Охотничья страсть императора Адриана передается римской аристократии, особенно увлекавшейся этим видом спорта во II веке н. э. Вверху справа: фрагмент карфагенской мозаики с изображением охотничьей сцены [V век н. э.]. Справа внизу: хорошо сохранившаяся купель, украшенная мозаикой со сценами охоты, посвященная св. Киприану, одному из отцов христианской религии III века н. э., эта купель подтверждает, что охота была широко распространена среди карфагенских христиан.

Музей Бардо, Тунис
Фото Люка Жубера

Медина: одиннадцать веков архитектурного творчества

XVII — начале XVIII веков происходили новые вторжения алжирцев, однако они оказались не столь серьезными и были вскоре забыты.

В общем разрушения были незначительны, город почти не подвергался мстительному разграблению, его памятники не уничтожались, его не сжигали захватчики-фанатики. Военные действия у стен Туниса являлись в основном отголосками войн других государств; они на короткое время приостанавливали рост города, его украшение, но после таких вынужденных пауз каменщики, плотники, скульпторы, гончары, штукатуры, стеклотуды вновь с усердием брались за свою работу.

Почти все созданное ими и сейчас находится там, в городе, все еще огражденном невидимыми стенами (об исчезнувших валах напоминают бульвары). Любая короткая прогулка превращается в Тунисе в бесконечное паломничество по улицам и переулкам, базарам и тупикам; проходя по ним, видишь не только дворцы и храмы, фасады и арки, гармонично организованную линию горизонта; ты как бы видишь и самих создателей всей этой красоты, которые, кажется, где-то здесь, рядом, готовы обратиться к гостю со словами приветия.

И все-таки, если бы сейчас объявили, что бульдозеры готовы стереть все эти чудеса с лица земли, почти никто не удивился бы — слишком много подобных случаев происходит в европейских городах, некогда колыбелях искусств, которые именно сейчас от-

крыто уничтожаются дельцами от строительства. Глухие к тщетным призывам о «защите культуры», эти люди готовы любую красоту заменить своим безликим модернизмом.

И в самом деле, некоторые горячие поборники благоустройства города уже выступили с различными ампутиационными планами для Туниса — под предлогом решения транспортной проблемы (хотя ясно, что таким хирургическим вмешательством решить эту проблему нельзя). Здравый смысл местных властей несколько охладил их пыл. Однако широкое употребление таких слов, как «паломничество», «турист», «закрытый город», указывает на появление другой опасности. Разве старый «арабский город» Туниса, его

Медина, — не такой же город, как и все другие? Разве он предназначен только для охотников за восточной экзотикой? Что же произошло?

Примерно в 1860 году европейские купцы-христиане, чьи «фундуки» (склады) в течение двух веков теснились в нижней части города близ Морских ворот, называвшихся также «Воротами Франции» (Пор-де-Франс), стали селиться за пределами городских стен. Расселились они так, как им было удобно, и все выглядело вначале вполне безобидно; однако, как оказалось, это возвещало о начале коренного преобразования Туниса, или, как говорят иногда в грустную минуту, о конце мирной жизни, продолжавшейся одиннадцать столетий.

ЦВЕТОЧНАЯ ГЕОМЕТРИЯ

Сложный цветочный орнамент — характерный мотив тунисской керамики, о чем можно судить, например, по украшениям стен дворца Дар-Хуссейн, построенного в Тунисе в XIX веке. Ныне в музее расположен Национальный институт археологии и искусства и Арабо-исламский музей. Много веков древний Тунис был пригородом Карфагена, а после завоевания арабами в VII веке стал столицей государства. Здесь сохранилось множество произведений искусства и архитектуры. Искусство керамики родилось в Вавилоне, затем распространилось в Персии, а отсюда арабы занесли его в Северную Африку и в Испанию. И в наши дни керамика остается одним из самых прекрасных видов арабо-мусульманского декоративного искусства.

Фото Медины — Инге Морат

Справа: резные, тонкой работы створки дверей старинного дома в Медине — одного из многочисленных памятников исламского искусства и архитектуры.

Фото Роме Вьолле

МАГИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В РАБОТАХ ЮВЕЛИРОВ

В середине IV века до н. э. богиня-мать Таниит оттеснила на второй план Ваал Хаммона — первоное божество в карфагенском пантеоне. На стенах, воздвигавшихся в храмах Таниит, чаще всего встречаются два знака, символизирующих присутствие божественного начала: рука с раскрытой ладонью (вверху на фото слева) и «знак бутылки» (фото в центре), увенчанный опрокинутым полумесяцем (см. также стр. 33). В декоративной пряжке, сделанной в наши дни, использованы оба знака — и полумесяц и ладонь. Сегодня этот мотив под названием «рука Фатимы», означающий пожелание удачи, распространен в значительной части Средиземноморья, что свидетельствует о живучести древнейших магических символов, хотя их религиозное значение забыто.

Фото Андре Мартена

ТУНИС (Продолжение)

Спустя двадцать лет был установлен французский протекторат. Это событие не повлекло за собой разрушений. Наоборот, французы активно занялись строительством, и строительством современным. Начав с сооружения отдельных разбросанных складов близ Пор-де-Франс, колонисты потом построили свой город — без больших затрат, но с претензией на грандиозность.

Около озера, в стороне от старого Туниса, который с того момента стал превращаться всего лишь в арабский квартал, раскинулся новый город — с прямыми авеню и четким прямоугольным рисунком улиц, с расположенными в шахматном порядке сооружениями военного лагеря. Шли годы, вырастали новые административные здания, банки, жилые дома, магазины, кафе, отели, театры, кино.

Ныне, в 1970 году, озеро все еще не полностью окружено постройками: но авеню уходят все дальше на юг и на север, появился небоскреб, возникают новые массивы зданий, дымят трубы нескольких промышленных предприятий, над группой роскошных вилл возвышается многоэтажный отель.

Правда, из этого отеля, по другую его сторону, виден и недавно возник-

ший «лачужный город», но это не умаляет очарования Туниса, современного «европейского» города, у которого никто не собирается искать недостатки. Он действительно полон очарования, напоминая Милан XIX века или пригороды Тулузы.

Но такое перемещение административного и делового центра, радикальное изменение образа городской жизни, новая ориентация ее развития неизбежно привели к тому, что угасла жизнь в сердце города.

Какое-то время Медина оставалась религиозным центром. Однако большинство знатных ее обитателей, потомки известных семей, покинули свои дворцы, когда-то дававшие жизнь целым районам города. Они превратили их в доходные дома, где снимают «угол» многочисленные бедняки, которые безудержным потоком прибывали из деревни в столицу.

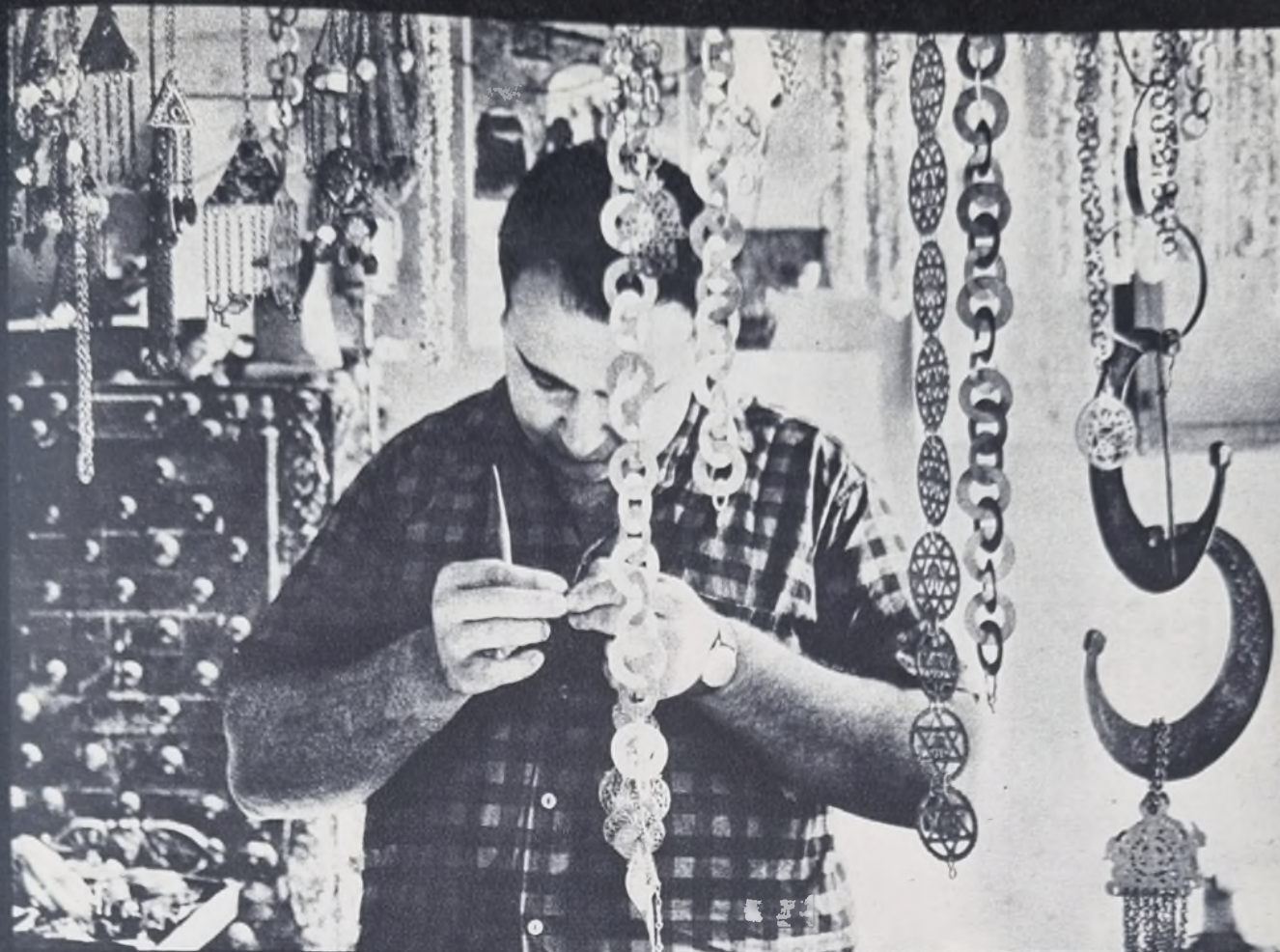
В своих современных апартаментах владельцы некогда прекрасных зданий не думают о грязи трущоб, возникших сейчас под крышами их фамильных дворцов. Они не желают тратить время на размышления о причинах притока людей в город, не желают беспокоиться по поводу фактов эксплуатации этих безземельных крестьян и толп безработных.

К счастью, есть другие люди, которых волнует такое положение, которые понимают, что Медина — один из самых замечательных городов всей Северной Африки и, следовательно, всего мира, что старый Тунис являет собой пример поразительной преемственности в развитии архитектуры, замечательный плод 1100-летнего творческого труда.

А главное, эти люди знают, что Тунис вместе с его пригородами, не смотря на уход некоторых богатых горожан, несмотря на причиняемый ему ущерб и проявляемое безразличие, по-прежнему живет своей неповторимой жизнью, которая представляет собой удивительное сочетание черт традиционного и современного укладов.

Зная все это, тунисцы, берущие ныне на себя ответственность за родной город, отказываются выступать в роли кроющих «ревнителей древних камней», которые удовлетворяются тем, что восстанавливают тот или иной отдельный памятник и превращают какой-то городской район в музей — фактически пустую раковину, лишённую жизни. Такой путь не может найти отклика в их сердцах.

Они понимают, что решать судьбу Медины следует лишь в совокупности

Ремесла составляют важную часть экономической жизни Туниса. 16—20 тысяч ремесленников страны бережно хранят традиции своих профессий, передаваемые из поколения в поколение. На снимке: тунисский ремесленник за работой.

Фото Жерма Вюлана, Париж

с планами развития Туниса в целом, со всеми его пригородами. Опасности, угрожающие ныне историческому наследию и подрывающие его изнутри, связаны с социальными, экономическими причинами, с человеческими судьбами, и они обязательно должны учитываться при разработке любого реалистического плана городского развития.

Если эти причины не будут учтены, в старом Тунисе, за его строгими фасадами, нельзя будет найти ничего, кроме трущоб, а на месте Карфагена пролягут автострады, поднимутся виллы представителей «среднего класса», «дворцы» для туристов, торговые центры. Это будет, несомненно, самым легким решением проблемы.

Но такой путь решения должен быть отвергнут. И вполне возможно, что подобное преступление никогда не будет совершено. В 1969 году по рекомендации Ассоциации сохранения старого Туниса и Национального института археологии и искусств правительство Туниса начало осуществление экспериментального проекта по сохранению и реставрации памятников в районе Тунис — Карфаген, включив это мероприятие в план экономического развития страны; за содействием в этом деле оно обра-

тилось к ЮНЕСКО и к Программе развития ООН. Окончательное одобрение проекта со стороны Программы развития ООН ожидается в январе 1971 года.

Намеченных сейчас к использованию людских и материальных ресурсов было бы совершенно недостаточно, если бы поставленная цель включала проведение раскопок на месте Карфагена, превращение его руин в музей или же выкуп ветхих дворцов старого города и реставрацию их деревянных частей, их мраморной и штукатурной облицовки.

Ближайшая задача, однако, не столь грандиозна, хотя и весьма значительна. Прежде всего проблемы Туниса и Карфагена — в экономическом и в археологическом плане — будут изучены международной группой экспертов и представителей Программы развития ООН и ЮНЕСКО, которая наметит наилучшие решения и порядок очередности реставрационных работ.

Первая задача этой группы, которая будет работать под руководством межведомственной комиссии, состоит в том, чтобы дать тунисским властям научно обоснованный, единый и взаимоувязанный план городского развития всего района. Только при

таком подходе можно надеяться, что для сохранения и реставрации памятников и археологических объектов будет предоставлена щедрая международная помощь.

Несколько месяцев назад один из ведущих градостроителей писал во французской газете: «Париж в опасности. Кажется, что он идет по пути самоуничтожения, разрушая именно то, что определяет его лицо и самобытность. Никто, по-видимому, не замечает опасности, и ничего не предпринимается, чтобы остановить этот процесс».

Многие газеты — и в Европе, и за ее пределами — могли бы выступить с такими же горестными высказываниями о судьбе своих городов. Именно поэтому будет большим достижением, если Тунис, столица страны, в которой годовой доход на душу населения не превышает 100 долларов, подаст пример, диктуемый разумом; а он подаст такой пример, ибо руководители страны вовремя увидели разрушительный характер беспорядочного городского развития, а любители истории и археологии в Тунисе быстро и правильно поняли простой факт: чтобы сохранить «священные камни», надо сначала позаботиться о нуждах людей.

ВОСЕМЬ СТОЛЕТИЙ КАРФАГЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

(Продолжение со стр. 20)

апогея. Именно к этому времени относится наибольшее количество тофетов, тесно уставленных памятниками, воспроизводившими в миниатюре некоторые городские сооружения (до наших дней они не сохранились) в виде храмов и святилищ египетского стиля; перед памятниками устанавливались алтари с благоволиями.

Сами цари показывали пример набожности и даже фанатизма. Например, Гамилькар в 480 году до н. э. и Гимилькон в 396 году до н. э. совершили самосожжение во искупление своих поражений. В период сицилийских войн в жертву Ваал Хаммону и другим божествам было принесено много человеческих жизней, особенно пленников. Некоторых карфагенских правителей, вроде Ганнибала, сына Гискона, правившего в 409 году до н. э., обуревала расовая и религиозная ненависть к грекам.

Упорные, нетерпимые западные финикийцы обладали бешеной энергией и были страстными патриотами. Они превратили свою страну в могущественную державу и владычицу Западного Средиземноморья, столь же обширную и богатую, как и Афинская держава, созданная в ту же эпоху.

Но фортуна не всегда была к ним благосклонна. В 550—480 годах до н. э. Карфаген подчинил себе Сардинию, уничтожив в процессе завоевания туземную цивилизацию, которая оставила нам замечательные изделия из бронзы (см. «Курьер ЮНЕСКО», июль 1966 года). Финикийские города на острове Сицилия и побережье Испании склонились перед Карфагеном. Колонии карфагенян, созданные в этрусском городе Цере (ныне Черветри, в 60 километрах к северу от Рима) и в порту

Пирджи, играли ведущую роль в местной политике. Когда Рим освободился от господства этрусков в 509 году до н. э., он прежде всего постарался заключить союзнический договор с Карфагеном.

Но и на Западе и Востоке уже ощущалась активная экспансия эллинов. В начале VI века до н. э. знаменитые цари Персии Дарий и Ксеркс решили покончить с поползновениями греков. Не исключено, что Гамилькар, из династии Магонидов, согласовал свои действия с персидскими царями. Но как персидские, так и пунические силы были разгромлены. По преданию, они были уничтожены в один и тот же день: первые у Саламина, вторые у Гимеры на острове Сицилия.

После этого Карфаген отошел от мировой политики и на 70 лет замкнулся в себе, но лишь для того, чтобы собрать силы и создать новые очаги своего влияния. Ганнон Великий прежде всего отвоевал у ливийцев такую территорию, которой еще не располагал ни один средиземноморский город: к Карфагену отошла половина северо-западной части современного Туниса по линии Сфакс-Табарга.

Едва завершив эту операцию, Ганнон предпринял серию больших морских походов, чтобы восстановить господство над торговлей с Западным Средиземноморьем, которой Карфаген был обязан своим возникновением и которую до того времени контролировали финикийцы, обосновавшиеся в Испании.

В то время, когда Карфаген набирал силы, Грецию раздирали Пелопоннесская война, и в 409 году до н. э. преемники Ганнона сочли момент подходящим, чтобы взять реванш за поражение у Гимеры. Но после молниеносного и сокрушительного наступления, приведшего к падению и разрушению Селинунта и Агридженто, пунические войска застряли у Сиракуз. Последовала кровопролитная и изнурительная борьба, не давшая преимуществ ни одной из сторон. В Карфагене чувствовалась усталость от войн, возникла оппозиция против военной политики и династии, ведущей ее.

Этой маске более двух с половиной тысяч лет, она была вылеплена в период правления карфагенской династии Магонидов (VI—IV века до н. э.), когда искусство изготовления глиняных масок достигло наивысшего расцвета. Подобные маски, с губами, растянутыми в сардонической улыбке, использовались во время многочисленных религиозных церемоний в Карфагене (см. также цветное фото на стр. 24).

Фото Люка Жубера

В ПОХОД НА ЗАПАД

В этих небольших терракотовых фигурках с остроконечными шлемами на головах запечатлены предшественники карфагенян. Статуэтки, вылепленные в XII веке до нашей эры, были извлечены из руин храма в Библе — столице Финикии вплоть до 1200 года до н. э., когда этот процветающий торговый центр уступил место финикийскому порту Тйру. В то время как скульптор из Библы ваял фигурки своих современников, тирийские мореплаватели отправлялись в походы, осваивая побережье Средиземного моря вплоть до Иберийского полуострова и северных берегов Африки.

Примерно в 370 году до н. э. оппозиции удалось свергнуть последнего представителя династии Магонидов.

Постепенно, хотя и не без некоторого противодействия, власть захватила аристократия, правившая страной вплоть до конца первой войны Карфагена с Римом. Характер правления в этот период нам известен из работ Аристотеля, относящихся примерно к 330 году до н. э. Власть находилась в руках комитета, состоявшего из представителей знати, но подлинной силой был Совет Ста Четырех, безжалостно расправлявшийся с любимым, кто был заподозрен в намерении восстановить единоличную власть, а также с уличенными в измене или непригодности.

Связь между религией и верховной властью в Карфагене была столь тесная, что изменение формы правления неизбежно повлекло за собой и преобразования в сфере религии. Еще с конца V века до н.э. наряду с

Баал Хаммоном возникает культ богини, которой впоследствии предстояло стать покровительницей Карфагена и даже затмить мужское божество. Богиня Танит властвовала над небесами, и особенно над Луной, она даровала земле плодородие и охраняла покой мертвых. Менее жестокая, нежели бог Ваал Хаммон, она напоминала греческую Геру или римскую Юнону.

Возвышение этой богини было, безусловно, результатом желаний многих карфагенян приспособить свою религию к верованиям, распространенным в Сицилии и на юге Италии, где Богиня-Мать занимала почетнейшее место. В 398 году до н. э. карфагеняне уже официально включили в свой пантеон греческих богинь земледелия и плодородия Деметру и Кору, которые в своих мистериях учили смертных избегать ловушек в загробном мире.

Декоративные мотивы на стелах тофетов дают возможность предста-

вить, сколь всепроникающи и сложны были религиозные представления карфагенян в IV веке до н. э. Наиболее часто повторяющиеся символы — например, знак Танит в виде треугольника, увенчанного горизонтальной линией и кругом, — своей геометрической строгостью должны были выражать всемогущество божественного начала.

Вершины процветания Карфаген достиг примерно к 300 году до н. э. К этому времени влияние Греции в Сицилии и Италии значительно уменьшилось. На Востоке наследники Александра Великого, которые намеревались присоединить к греческой империи всю Африку, растрачивали энергию на междоусобные распри.

Карфагенянам удалось установить дружественные отношения с диадохами (военачальники—преемники Александра), представителями Лагидской династии, правившей в Египте и в старой Финикии, которые к этому времени были почти полностью эл-

Гибель двух городов

линизированы. Сохранив родной язык и культуру, эти страны с готовностью воспринимали новые идеи и формы искусства, родившиеся в результате смешения греческой культуры и древних цивилизаций Нила, Сирии и Малой Азии, и распространяли их на Западе.

Тем временем во второй половине IV века до н. э. Италия стала свидетельницей важнейших политических событий. В течение нескольких десятилетий доселе малозначимый, отсталый в экономическом и культурном отношении город подчинил себе не только полудикое племя Апеннин, но и древнейшие цивилизации Этрурии, Кампании и Великой Греции.

Карфагенское правительство не считало, что неожиданное возвышение Рима представляет какую-либо опасность, да его и нельзя упрекнуть в недальновидности: у этого молодого аграрного и военного государства, казалось, не было причин сорваться с великой торговой и морской державой, с которой оно до этого поддерживало многолетнюю традиционную дружбу, закрепленную несколькими договорами.

Однако в составе итальянской конфедерации были партнеры, более развитые, чем сам Рим. Они стремились получить компенсацию за урезанную независимость, увеличив в результате связи с наиболее мощным военным государством эпохи свои доходы от торговли и развитых ремесел. Наибольшую активность проявили кампанийцы, чей столицей была Капуя. Они были потомками осканской народности (имевшей много общего с латинянами), племена которой еще в IV веке до н. э. пытались проникнуть в Сицилию.

Кампанийцы склонили на свою сторону наиболее предприимчивые римские фамилии, вроде Клавдиев, пользовавшихся большим влиянием в сенате. Эта римско-кампанийская партия поддержала бывших наемников сиракузского тирана, которые предательски захватили Мессану. Так небольшая группа интриганов, преследуя собственные неблагоприятные интересы, раздула в 264 году до н. э. пламя войны, решившей судьбу всего Средиземноморья и приведшей к падению Карфагена.

Вооруженный конфликт, который мы, вслед за римлянами, называем первой пунической войной, показал, что карфагенская олигархия, схожая во многих отношениях с парламентскими режимами XIX века, оказалась неспособной выдержать затяжную борьбу.

Уже во время первых лет войны римские легионы без особого труда доказали свое превосходство над наемниками Карфагена, почти целиком завоевав Сицилию. Римский флот также вскоре показал, что он достоин своего великого морского соперника. На первый взгляд это обстоятельство кажется необъяснимым; но хотя римляне не имели морских традиций, в их распоряжении были верфи и моряки из греческих городов на территории Италии.

Однако попытка консула Регула утвердиться в Африке потерпела полную неудачу, и большинство пунических баз, в том числе даже в Сицилии, выстояло. Поражение, которое Карфаген все же потерпел после более двадцати лет войны (241 год до н. э.), явилось следствием развала его экономики, робости дипломатии и бессилия военного командования, парализованного страхом перед Советом Ста Четырех.

В поражении была повинна правящая каста, которая очень дорого заплатила за свои ошибки. Она была почти сметена восстанием, которое возглавили отставные наемники, увлекшие за собой беднейшее ливийское крестьянство, беспощадно эксплуатируемое крупными землевладельцами. Подавить восстание удалось только Гамилькару Барке, молодому военачальнику, прославившемуся битвами на Сицилии. Но Гамилькар не намеревался восстанавливать старый режим, который он по праву считал ответственным за поражение страны.

Гамилькар создал независимую и достаточно отдаленную державу в Испании, чтобы избежать, по крайней мере на время, пристального внимания римского сената. После его гибели в 228 году до н. э. в наследство зятю его Гасдрубалу и сыновьям досталось государство, которым стала править династия Баркидов, казна, обильно пополняемая из неисчерпаемых рудников в горах Иберии, и закаленная в боях армия, преданная своим предводителям.

Ганнибал, который десять лет спустя — после гибели Гасдрубала — унаследовал корону, продолжал политику своего отца и поставил себе целью отомстить Риму.

Ганнибал был хорошо осведомлен о внутренних делах Римской республики. Он знал, что греки и кампанийцы недурно поживились на победе Рима — они получили доступ на рынки почти всего западного района Средиземного моря. Но они начали проявлять беспокойство и опасение в связи с растущей экономической мощью латинян и жадностью римских дельцов. Они бы с радостью отказались от партнерства с Римом, если бы им удалось разорвать союз без особого для себя риска. Ганнибал понимал, что такой разрыв лишил бы Рим флота и сделал бы его бессильным за пределами Италии.

Чтобы содействовать распаду итальянской конфедерации, необходимо было противопоставить римским легионам достойную силу. Для этого Ганнибал решил использовать огромные человеческие ресурсы кельтов в качестве мощного тарана. Все детали обширного плана Ганнибала были тщательно продуманы, в том числе и казавшийся безрассудным рискованный поход молодого Баркида в Италию, когда он перешел со своей иберо-африканской армией Пиренеи, форсировал Рону и преодолел Альпы.

Трудно объяснить, почему этот план, который был столь близок к

осуществлению, окончился неудачей. После победы при Каннах Капуя открыла Ганнибалу ворота, но итальянская конфедерация держалась прочно. Тем временем Испания, быстро завоеванная Баркидами, столь же быстро оказалась в руках Сципиона.

Не исключено, что положение можно было бы спасти при помощи греков, если бы правители Македонии и Сирии оказались более решительными и дальновидными. Но поскольку такая возможность была упущена, пагубные последствия не замедлили сказаться. Рим постепенно отвоевал Италию, Сципион высадился в Африке, и Карфаген был вынужден согласиться на условия, предложенные победителем после битвы у Замы (201 год до н. э.).

Вопреки тому, что часто утверждают, условия капитуляции оказались относительно мягкими. Сципион и большинство сенаторов считали возможным оставить за Карфагеном его африканские владения и превратить страну раз и навсегда в римского вассала — они не хотели разрушать Карфаген. Только в 170 году до н. э. Катону и его сторонникам удалось провести в жизнь идею о том, что уничтожение Карфагена настоятельно необходимо в интересах римской политики.

Такую перемену в отношении к Карфагену объясняют по-разному. По моему мнению, причиной перемены послужили внутренние события в Карфагене. Дело в том, что со времен Гамилькара Барки в стране постепенно укреплялась более прогрессивная форма правления. Даже Ганнибал, ставший на время у кормила власти в Карфагене после битвы у Замы, содействовал этому.

В этот период своего развития Рим мог допустить существования более демократических режимов, где бы они ни возникали, поскольку это могло подорвать социальную систему, прямо или косвенно приносящую огромные прибыли правящему классу. Сенат принял в 146 году до н. э. решение разрушить Коринф и Карфаген, так как они казались римлянам рассадниками революции.

Такой предстает перед нами порой неясная и подчас парадоксальная судьба азиатского города, закрепившегося на африканском берегу Средиземноморья. Неужели упорство карфагенян, их удивительная способность к приспособлению пропали напрасно? Нет, можно легко доказать, что Карфаген, чей язык и культура существовали вплоть до IV века н. э., продолжал играть важную роль в Римской империи, которая его уничтожила.

Достижения карфагенской цивилизации оказали влияние и на другие народы, и в первую очередь на берберов, бывших не только вассалами, но и преемниками культурного наследия, и через них на современный Тунис, чья роль связующего звена между мусульманским Востоком и христианским Западом подтверждается ныне больше, чем когда-либо.

ЖАН ПЕРРЕН

ПИОНЕР СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ

Пьер Оже

ПЬЕР ОЖЕ — один из ведущих французских физиков, был ранее генеральным директором Европейской организации космических исследований, возглавлял работу Международного вычислительного центра в Риме. С 1948 по 1959 год профессор П. Оже был директором Департамента естественных наук ЮНЕСКО.

Последние годы XIX и первое десятилетие XX века отмечены поразительным ростом наших физических знаний. На сцену вышли радиоактивность, электрон, кванты энергии, относительность, атомное ядро, открыв новые научные области, каждая из которых смогла впоследствии сформироваться в целостную научную дисциплину.

В этих замечательных достижениях важную роль сыграл Жан Перрен, французский физик, 100-летие со дня рождения которого отмечается в этом году.

Именно Перрен доказал на рубеже двух веков корпускулярную природу катодных лучей, отождествив их с элементарными носителями отрицательного заряда, иными словами, с электронами, что революционизировало все области промышленности и средства связи.

Это открытие замечательно в двух отношениях: оно было сделано молодым, 25-летним научным работником, только что закончившим университетский курс, и оно породило споры, которые более чем на десять лет разделили великих физиков того времени.

Доказательство корпускулярной природы электричества, существования «атомов электричества», привело Жана Перрена к еще более обширным исследованиям, на этот раз к изучению атомов, из которых построено любое вещество.

До работы Перрена физики говорили об атомной гипотезе строения материи и кинетической теории газов. После нее не осталось никаких сомнений в реальности существования атомов — настолько убедительным было доказательство.

Перрен начал с вывода, сделанного Больцманом, Максвеллом и Ван дер Ваальсом, согласно которому любые частицы вещества, находящиеся в жидкости, должны подчиняться одинаковым энергетическим законам, независимо от того, являются ли эти частицы атомами, молекулами или капельками эмульсии. Проблема по существу сводится к изменению масштаба; природа же кинетической энергии остается неизменной, вследствие чего во всех случаях будут справедливы те же самые законы движения.

Одним из частных случаев было броуновское движение, которое можно заметить уже в школьный микроскоп при наблюдении грибных спор, взвешенных в воде. Путем изменения масштаба в 60 миллионов раз оказалось возможным сравнить распределение капель эмульсии при изменении высоты в одну десятую миллиметра с распределением молекул воздуха при подъеме на высоту 6 километров.

Так микроскоп позволил рассчитать число молекул в литре воздуха. Фактически Перрену удалось впервые определить путем прямых измерений число, которое мы теперь называем числом Авогадро — количество молекул в грамм-молекуле вещества (например, в двух граммах водорода); приблизительно оно равно 600 тысячам миллионов миллионов миллионов.

Впоследствии Перрен обратился к исследованиям других атомных и молекулярных явлений, продемонстрировав, например, существование слоев толщиной всего в одну молекулу в тонких пленках мыльных пузырей и «радужных разводов» на поверхности воды. Он опубликовал многочисленные статьи о флюоресценции, поверхностном электричестве и коллоидах, в которых неизменно проявлял поразительное воображение и замечательный талант экспериментатора.

Его идеи часто опережали свое время — он предложил планетарную модель атома еще в 1901 году, а в 1921 году выдвинул положение о том, что источником энергии звезд являются термоядерные реакции.

Под влиянием большого личного обаяния Перрена, являвшегося профессором и директором лаборатории, многие студенты посвятили свою жизнь исследовательской работе.

Блестящее научное творчество Перрена принесло ему Нобелевскую премию по физике за 1926 год. Однако его заслуги не ограничиваются продвижением вперед границ нашего знания. Его настойчивость привела к созданию перед второй мировой войной французского Национального центра научных исследований, который послужил прототипом подобных организаций в других странах. Перрен также внес большой вклад в создание Дворца открытий в Париже, ставшего центром популяризации науки.

Убежденный в том, что наука, черпающая свои достижения из всех источников, является общим достоянием человечества, он всю жизнь стремился к истинно демократическим целям — сделать науку доступной всем, направить ее завоевания на общее благо.

ХРОНИКА ЮНЕСКО

В КОМИССИИ СССР ПО ДЕЛАМ ЮНЕСКО

11 декабря с. г. под председательством заместителя Министра иностранных дел СССР тов. Смирнова А. А. состоялось расширенное заседание Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. Комиссия обсудила отчет делегации СССР об итогах XVI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 11 октября — 14 ноября с. г.), представленный главой делегации тов. Земсковым И. Н.

В обсуждении этого вопроса приняли участие члены делегации гг. Тихвинский С. Л., Собакин В. К., Корзун В. И., Шумовский С. А., Вахрушев В. В., Горшков Г. В., члены Комиссии гг. Жуков Е. М., Софинский Н. Н., Рудомин М. И., а также члены комитетов Комиссии. Итоги обсуждения этого вопроса были подведены Председателем Комиссии т. Смирновым А. А. Комиссия одобрила работу делегации СССР, приняв к сведению решения XVI сессии Генеральной конференции и утвердив план участия СССР в мероприятиях ЮНЕСКО на первый квартал 1971 года.

Комиссия рассмотрела также вопрос о научно-технической помощи развивающимся странам по линии ЮНЕСКО, приняв соответствующее постановление.

Древняя столица Мали

В местечке Ниани, расположенном на реке Санкарани, в районе гвинейско-малейской границы, проводились археологические раскопки. Основная задача исследований заключалась в поисках следов древнейшей столицы царства Мали, которая, как предполагали ученые, должна была находиться в этом пункте. Результаты раскопок полностью подтвердили научную гипотезу. В Ниани обнаружены следы старинной мечети и развалины городских укреплений. В арабской части древнего города найден обильный археологический материал, в частности керамические изделия и по-

делки из железа. Результаты раскопок в Ниани имеют большое значение: получены ценные материалы, позволяющие восстановить историю средневековой цивилизации на Африканском континенте.

Всемирная служба борьбы с загрязнением воздуха

Всемирная организация здравоохранения создает международную сеть станций для наблюдения за загрязнением воздуха и изучения этой проблемы, весьма насущной во многих странах. Сеть станций начнет работу с января 1971 года. Об уровнях загрязнения воз-

духа, вызванного диоксидами серы и пылью, будут регулярно сообщать два международных центра — в Лондоне и Вашингтоне, три региональных центра — в Москве, Нагпуре и Токио, а также 20 лабораторий в различных районах мира. Это даст возможность сравнивать положение, существующее в различных странах, и своевременно предупреждать население в необходимых случаях.

Охрана биосферы в Африке

Созданный ЮНЕСКО в Найроби (Кения) Научный центр для Африки оказывает ценную помощь африканским странам в деле изучения и сохранения биосферы. В центре работают опытные эксперты, известные своими исследованиями как в Европе, так и на Африканском континенте. Сотрудники центра уделяют значительное внимание созданию национальных парков, заповедников, а также охране археологических стоянок. При центре будут созданы курсы подготовки специалистов в области экологии.

ЮНЕСКО чтит память Марии Монтессори

Недавно ЮНЕСКО отметила 100-летие со дня рождения Марии Монтессори, выдающейся деятельницы просвещения Италии. Во время торжественной церемонии, имевшей место в здании ЮНЕСКО 30 октября 1970 года, председатель сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО Атилио дель'Оро Маини и другие выступавшие воздали должное трудам Марии Монтессори, педагогические методы которой используются ныне во многих современных системах образования.

Фото Л. Фулькониса

Мир, скрытый маской

Фотоснимки, опубликованные в октябрьском номере [1970] нашего журнала (стр. 27), иллюстрируют учебный эксперимент, проведенный музеем Кантини (Марсель) в сотрудничестве с педагогами ряда школ Южной Франции. Их автор — Луи Фульконис, сотрудник Центра педагогической документации в Марселе.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ
Вениамин МАЧАВАРИАНИ

Адрес русской редакции: Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21, т. 247-17-58

Московская типография № 2 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Зак. 766
Цветные вкладыши отпечатаны в типографии Ж. Ланга, Париж

„Курьер ЮНЕСКО“ в 1970 году

Январь

1970, МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД ОБРАЗОВАНИЯ. Обращение Рене Майо. 1970, Международный год образования (Л. Ферниг). Обучать... Но кого?.. И как? (П. Рондьер). Раздумья о путях развития образования (Г. Брабин). Во что обходятся вооружения. Студент завтрашнего дня — широкий взгляд на мир (Р. Абаши). Новое понимание функции учителя (Д. Чессвоз). Школа и время (И. Нехамкин). Пересмотр философии образования (П. Лангран). Сокровища мирового искусства: Переписчик за работой (Ирак).

Февраль

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ВСЕМИРНОГО РАЗВИТИЯ (Л. Пирсон). Трагические последствия неизбежно дадут знать о себе завтра, если сегодня мы не будем действовать. Основные положения стратегии развития. Панорама развивающегося мира. Проблема размера семьи. Ползущая вверх кривая безработицы. Зеленая революция. Сокровища мирового искусства: Скульптура каменного века на Кипре.

Март

ПОБОЧНЫЕ ПЛОДЫ КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (Д. Грегори). Что дает нам выход в космос? Трудовые будни спутников. Техника космического века. Польза для медицины. Материалы космического века. Новые источники энергии. Микроэлектроника и карманные ЭВМ. Глобальный подход к глобальным проблемам. Космическая эра и будущее человеческое общество (А. Кларк). Сокровища мирового искусства: Неолитический человек в очках (Япония).

Апрель

ПЕСТУМ. Открытие первых древнегреческих фресок (М. Кониль Лакост). Каир (Абдель-Рахман Заки). Аль-Азхар — «блистательная». Богатства каирских музеев. Сан-Агустин, древняя культура на территории Колумбии (Ф. Санс). Лепенский Вир, древнейшее поселение Европы на берегу Дуная (Ж. Видаль). Трилогия выпусков «Импакта». Сокровища мирового искусства: Мулла-лукоед (Пакистан).

Май

ПРОТИВ РАКА ЕДИНЫМ ФРОНТОМ. Борьба против рака (Д. Хиггинсон). Курение и рак (Д. Годбер). Обвинение табаку (Р. М. Тэйлор). На пути к разгадке тайны клетки (Н. Одарченко). Ложное представление о неизлечимости рака (Э. Иссон). Поиск закономерностей в географии рака (Н. Уиллард). Загрязнение воздуха и рак легких (Р. Уоллер). Сокровища мирового искусства: Колосс из Полоннарувы (Цейлон).

Июнь

ЧЕЛОВЕК В ИЗВЕЧНОМ ПОИСКЕ ВОДЫ (Р. Л. Нейс). Пантанал — 400 000 кв. километров болот в Мату-Гросу (Н. В. Кордейро). Традиция и свое-

образии в американской культуре (Ч. Марк). Мифы и легенды о стремлении человека достичь небес (Ж. Патросинио де Соза). Что тревожит учащихся в университетах (Д. А. Перкинс). Новое здание ЮНЕСКО. Сокровища мирового искусства: Шейная гривна кельтской принцессы (ФРГ).

Июль

В. И. ЛЕНИН (1870—1970). Ленин и наука, культура, образование (М. П. Эрцог). Влияние Ленина на развитие науки (М. Келдыш). Социальная роль образования (В. Столетов). Ленин и развитие национальных культур (Л. А. Пости). ИСКУССТВО ЯВЫ. Памятники искусства и культуры Явы (Х. Дайфуку). История континентов — на дне океанов (Д. Берман). Сокровища мирового искусства: Женщины Пальмиры (Сирия).

Август—Сентябрь

ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ НАСИЛИЯ. Человек и насилие. (Д. Берман). Здоровое общество — демографическая проблема? (П. Лейхаузен). Войны нет в наших генах (С. Карригер). Человек уничтожает природу (У. Тан). Бетон вытесняет деревья (Р. Я. Бен-тем). Индустриальная Европа и проблема отходов (Р. Пассино). «Первый год в жизни кита» (Г. Брабин). Вавилонская башня (Ф. Рагетт). Сокровища мирового искусства: Двухголовый пращур (Гавайские острова).

Октябрь

70-Е ГОДЫ, ВТОРОЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ. Суровые факты 60-х годов; Вторая возможность в 70-е годы (М. С. Адисешиа). Школы для палестинских беженцев. Потайное золото скифов (А. Кирпичников). Музеи — современному человеку (Д. Ф. Камерон). Колледж Объединенного мира (Т. Сютте). Сокровища мирового искусства: Памятник культуры кельтов (Ирландия).

Ноябрь

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ — УГРОЗА МИРУ (Ф. Ноэль-Бейкер). Смертоносные грибы. Судьба «Счастливого Дракона». Вооружения в развивающихся странах. Чем грозит человечеству химическое и бактериологическое оружие. Наука об исследовании проблем мира (Б. В. А. Ролинг). Десятая годовщина Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Борьба с неграмотностью в Латинской Америке (М. Солер Рока). Сокровища мирового искусства: Лик матери (Бразилия).

Декабрь

КАРФАГЕН НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН (Джелаль Эль-Кафи). Величие и упадок пунического города-государства (Хеди Слим). Восемь столетий карфагенской цивилизации (Ж.-Ш. Пикар). Карфаген глазами греков и римлян (М. Фантар). Тунис — жемчужина Арабского Востока (Ж. Фрадь). Жан Перрен, пионер современной физики (П. Оже). Сокровища мирового искусства: Небесные музыканты (Китай).

СКАЗКА ТУНИСА

Тунисская Медина («старый город») с мечетями, базарами, заезжими дворами, жилыми и общественными зданиями — подлинная сокровищница произведений исламского искусства и архитектуры, созданных на протяжении одиннадцати столетий. ЮНЕСКО и правительство Туниса приступают к осуществлению обширной программы реставрации и сохранения исторических памятников города, имеющих огромное значение для культуры страны (см. статью на стр. 4 и 35). На снимке: деталь минарета, венчающего мечеть Юссеф-Дей (XVII век).

Фото Жана Переса, Тунис

